

МЕСТЬ БАЗИЛЕВСА

Николай БАХРОШИН

Русь изначальная

Николай Бахрошин

Месть базилевса

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бахрошин Н. А.

Месть базилевса / Н. А. Бахрошин — «Махров»,
2017 — (Русь изначальная)

ISBN 978-5-906716-83-5

Базилевса Юстиниана II свергли с престола, отрезали ему нос и отправили в заключение в далекий Крым. Сбежав из-под стражи, Юстиниан клянется отомстить за свой позор не только узурпатору трона, но всем бывшим подданным. Он ведет в империю наемное войско, во главе которого дружина северян, непобедимых викингов Мствельда, и конница болгарского хана Тервела, сына знаменитого Аспаруха. Славянский воин Любеня тоже дает клятву богам — отомстить похитителям любимой и найти ее живой или мертвой. Он присоединяется к викингам и сражается в Византии, разыскивая девушку. Удастся ли воину найти ее? Смогут ли войска базилевса взять штурмом неприступный Константинополь?

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906716-83-5

© Бахрошин Н. А., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Отверженный	9
1	9
2	18
3	28
Глава 2. Огонь в груди	33
1	33
2	39
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Бахрошин

Месть базилевса

© Бахрошин Н. А., 2017

© ООО «Яуза-каталог», 2017

Пролог

Красное, перегревшееся за день солнце тонуло в море быстро, как галера с пробитым днищем. Последние его лучи ярко подкрасили завывающие облака, пурпурная дорожка пробежала по воде от самого горизонта, силясь дотянуться до берега. Но – не дотянулась, исчезла в темной воде Понта Евксинского. Погасло светило, поблек пурпур небесный, цвет императоров великой РOMEИ, символ силы и власти. В потемневшем, слившемся с морем небе начинали проступать звезды, эти свечи Господа, придающие ночи красоту и смысл...

А есть ли он?

В тот вечер монах долго сидел на теплых камнях, смотрел на закат. Думал: если и есть в жизни смысл, то он там, в небе. На земле... Нет, сколько ни расстилайся дорог под копытами твоего коня, сколько ни оставь за плечами великих дел, на земле его не найти. Может, поэтому Бог драпирует земли и воды пышными ширмами красоты, прячет таким образом отсутствие смысла в земных деяниях. Здесь, к примеру, на склоне горы Кадикей, даже дух захватывает от широты и простора, кажется, можно бесконечно смотреть на переливы моря, на зубчатую кромку прибрежных скал и зелень гор. И не хочется верить, что и в необъятности мира человек остается узок мыслями и мелок желаниями...

Последнее время монах часто приходил на склон горы, где щербатые камни образуют защищенную от ветров ложбину. Смотрел и думал. Или не думал, просто смотрел. Ему было легко и спокойно. Так спокойно, как давно уже не было. Может, никогда раньше, только в далеком детстве...

Однажды монах поделился размышлениями о смысле и красоте с отцом-настоятелем, преподобным Милентием. Тот не понял. Насупился, огладил толстыми пальцами кустистую бороду, умащенную для блеска и пышности репейным маслом, и посоветовал прекратить умствования. Ибо лишняя живость ума, известно, способна источить глыбу веры так же быстро, как бурный поток точит камни. «Да, ум человека – поток воды, – назидательно толковал преподобный, – но всякому потоку требуется надежное русло, дабы он не растекался по бесплодной равнине. Так-то, брат мой во Христе! Русло это – вера истинная, отрицающая сомнения».

Впрочем, говорил мягко. За те дорогие пожертвования, что монах внес при постриге, настоятель планировал расстроить их маленький, захолустный монастырь почти вдвое. И уже предвкушал, как развернется обитель, как потекут на склоны Кадикей новые, молодые послушники. И – кто знает? – может, сам патриарх в столичном Константинополе, когда-то воздвигнутом на месте маленького римского городка Византий, услышит про усердие настоятеля Милентия. Отметит новым назначением поближе к столице, где религия сливается с политикой по влиянию и значению.

Его помыслы были понятны монаху. Что ж, и здесь, в этом затерянном уголке красоты и покоя, мечтают о суе власти, усмехался он про себя. А что, кроме усмешки, могли вызвать честолюбивые замыслы отца Милентия, куда более обширного чревом, чем разумом? Не знает еще настоятель, что такое власть, не прочувствовал на себе, что она не только дает – отнимает взамен не меньше. Как раб на галее непрестанно вращает весло под плеткой, так и власть требует от души без конца тащить ее груз... Суета – пестрое оперенье бессмысленности!

Монах подумал, что эту мысль тоже нужно записать. Хотя многие ли поймут?

– Брат Таисий? – окликнули его издали.

Он оглянулся. В сумерках было уже плохо видно, но это, конечно же, брат Андроник. Его нескладный, сильно ссутуленный силуэт не перепутаешь.

– Я слушаю тебя, брат, – негромко отозвался монах.

Андроник закивал в ответ не только шеей, но и всем туловищем до поясницы, от чего еще больше согнулся.

– Ты не пришел на вечернюю трапезу, брат. Я отнес хлеб и сыр в твою келью, повечеряешь там. Еще налил тебе свежего масла в светильник. Хорошее масло, очищенное, с благовонными примесями... У отца-настоятеля попросил и налил, – бубнил Андроник не слишком внятно из-за большого недостатка зубов. – Так и сказал ему: для брата Таисия. А он сказал: если для брата Таисия – дам. Для кого бы другого не дал, а для него – дам. Так и сказал, да...

– Спаси Христос, брат.

– Спаси и тебя... Так ты иди, иди в келью. Холодает уже, застудишь на камнях поясницу.

– Ничего. Я скоро.

Зачем Андроник перед ним угодничает? Словно он, Таисий, не такой же монах, как все. Словно еще сохраняет былое могущество... Впрочем, есть люди, которым мало служить самому Господу Всемогущему, им обязательно нужно еще перед кем-нибудь расстелиться. Он навидался таких за долгую жизнь, Бог создал людей равными перед собой, но забыл добавить им равенство друг перед другом...

Или – не так? Не то подумал, осквернил мысли злословием... И брат Андроник взялся опекать его не для выгоды, а от доброты душевной. Просто чувствует, что новообращенному христианину Таисию, принявшему постриг совсем недавно, нелегко осваиваться в строгом монастырском чине. Иисус Христос завещал любовь бескорыстную, вот Андроник и старается следовать его заветам, как может.

Сложно все у христиан! И так можно понимать, и этак... А понять любовь без корысти – еще сложнее, вздохнул монах. Искать выгоду за любым поступком проще, тем более что ошибаешься редко. Ему ли не знать?

Он посидел еще немного, потом поднялся и двинулся вверх по склону, в сторону монастыря. Цеплялся за жесткие ветки кустарника, оскальзываясь кожаными сандалиями на каменных осыпях, но шел уверенно. Звезды и масляный круг луны хорошо освещали путь.

Южная ночь тоже была красива – влажно и мерно дышало море, стрекотали невидимые цикады, пряно благоухали белые цветы на кустах. Их название он все время хотел спросить у братьев и забывал так же неизменно.

Холодно, сказал брат Андроник. И это называется холодно? Смешно... Не знают здесь, что такое зимние ветра степей, от которых кости внутри леденеют.

В келье монах первым делом нашарил огниво, высек искру на трут, разжег масло в светильнике. Огонек мягко заплесал в бронзовой плошке. Совсем небольшая келья – кровать, стол, стул, ларь для вещей. Все простое, некрашеного, потемневшего от времени дерева. Грубая каменная кладка стен небрежно побелена.

Впрочем, много ли надо тому, кто успел за долгую жизнь пресытиться всякой роскошью?

Монах покосился на глиняную тарелку с сыром, лепешкой и зеленью. Рядом, в кувшине, козье молоко. Поесть или нет? Но ужинать не хотелось. Он лишь отломил кусок пресной лепешки, прожевал, запил глотком молока. Отметил – водой разбавлено, не балует братию экономный Милентий.

Он подсел к столу, где со вчерашнего дня лежала стопка гладкой белой бумаги. Вот бумагу настоятель выдал хорошую, не поспешил. «Для брата Таисия – дам», – вспомнил он, улыбнувшись. Брат брату рознь, хоть бы и во Христе... Ох, люди, люди...

На верхнем листе уже несколько дней было выведено: «История базилевса Ромейской империи Юстиниана II по прозванию Риномет, писанная в 718 году от восшествия на Небесный Престол Господа нашего Иисуса Христа монахом Таисием, в миру...»

Дальше он пока не двинулся, ежевечерне сядя за работу и неизменно уплывая в воспоминания. А надо писать! Его послушание – рассказать в назидание и поучение потомкам о тех событиях, которым он был свидетелем и участником. Сам чувствует – немного осталось, скоро погаснет огонек его жизни, как гасла красота сегодняшнего заката.

Чуть заметная копоть вилась над огоньком в бронзе, и ему вспомнился другой дым. Густой, черный дым, с приторным привкусом горелого мяса, что валит от сжигаемых городов. Да, было... Оскаленные от ярости степные всадники, длинный ряд прямоугольных щитов за выставленными копьями тяжелой пехоты. И топот конницы, и лязг железа, и треск ломающихся древков, и вскрики раненых... И ледяные глаза варангов, этих воинов моря с далекого севера. Их огромные, хищные топоры и круглые щиты с языческими рунами. История базилевса Юстиниана II – измена и мечь, кровь и слезы, сожженные города и жирные вороны над разлагающимися трупами...

Да, было!

Жизнь прошла в служении двум божествам, имена которых – Власть и Сила. И теперь, под старость, он все пытается и не может себе ответить: где же смысл?

Монах помедлил еще немного, перекрестился на медное распятие над кроватью, придвинул поближе глиняный сосуд со свежими чернилами из смеси сажи и камеди, взял тростниковое перо...

Глава 1. Отверженный

*Вся ромейская держава,
се Христово достоянье, —
Все оно твое отныне
Божьей волей, славный кесарь!*

*Патриарх Фотий
Похвальное слово христолюбивому владыке Василию. IX в.*

1

Вечером шаман Хаскар развел на поляне такой костер, что, казалось, сам лес загорелся. Пламя ревело, огненные языки рвались к макушкам сосен, искры вспархивали в темное небо стаяй трепещущих мотыльков, а кам все кидал и кидал в огонь толстые лесины. Совался чуть не в самый жар, морщил плоское, широкоскулое, без того исчерченное морщинами лицо, бормотал что-то, мелко приплясывая.

И молочное сияние луны, и серебряные монеты звезд – все засланил костер Хаскара, кама племени талов, сына великого кама Кирги, внука великого кама Буена.

Внезапно шаман остановился, присел на корточки, закинул голову к небу и сильно, протяжно завыл. Этот вой-песня задрожал, завибрировал над поляной, перекрывая огненный гул.

Любенья понял, кам таким образом предупреждал своего бога Ягилу, что вот скоро, сейчас, он вскочит на коня-бубен, подхлестнет его деревянным билем и взлетит к границам Верхнего Мира, поскачет по небесным просторам, где прошлое и будущее существуют одновременно... Жди, Ягила! Ждите, боги и духи, ждите, отец Кирга и дед Буен, я иду к вам! Лечу на невидимых крыльях сквозь звездное небо туда, где нет ночи и дня, где свет и тьма дружат, а не ссорятся между собой!..

Любене и раньше приходилось видеть, как камлает Хаскар.

Лет ему не так уж много, знал полич, но шаман выглядит пожившим и сгорбленным, ходит, приволакивая ноги, тяжело опираясь на посох. Костяные амулеты сухо цокают друг о друга, мерно позвякивают нашитые на цветастую парку монеты, посох с силой стучит по земле. У лесного народа талов даже старики и бабы передвигаются по лесу тихо, как бестелесные сущности Нави, мира духов, а тут издадека слышно – шаман идет.

Зато во время своей ворожбы кам преображается. Словно молодеет сразу, вырастает, расправляет плечи, становится быстрым и ловким в движениях. Мать Сельга как-то объяснила: камы получают от своих богов большую мощь, но платят за это силой живой, вот и стареют до срока. Поэтому соплеменники шаманов боятся, уважают и слушаются, но никто им никогда не завидует.

Алекса, любимая, первый раз видела камлание народа талов. Смотрела заворуженно, крепко прижималась к плечу Любени. Вздрагивала словно от холода, хотя от огня шел густой, плотный жар. Пухлые пунцовые губы приоткрыты, щеки покраснелись, в блестящих глазах отражается трескучая пляска огня. Тугие, вольно разметававшиеся завитки волос кажутся в свете костра темнее, чем есть, напоминают начищенную медь.

Любуясь девушкой, Любенья одной рукой обнимал ее тонкие плечи. Успокаивал. Второй рукой держал за ладошку, перебирал покорные пальчики, про себя восторгаясь их особой, невесомой хрупкостью.

Милая... Любимая... Дорогая настолько, что сердце жмет сладостью и болью одновременно.

Странно все получилось, не переставал удивляться Любенья. Трудно представить, что еще десять-двадцать дней назад он не знал и не видел этой солнечной девушки. Даже не подозревал, что она живет где-то в Яви.

«Пойдешь со мной?» – спросил он ее тогда. «Пойду!» – сказала она. И больше ничего не спросила.

Двадцать дней, двадцать ночей... Целая жизнь!

А до этого был целый год. Без нее. Год, как он вернулся в родовую деревню, отстав от дружины воинов моря с острова Миствельд. Тоже жизнь. Но сейчас казалось – ненастоящая. Будто спал долго, вечность спал и проснулся только теперь.

Языки огня сплетались перед глазами, и Любенья задумался, что в жизни все сплетается так же причудливо. Очень похоже – с шумом, треском, с веером обжигающих искр...

* * *

Когда старый Творя-коваль позвал его сбегать на лодке к оличам, наменять сырого железа на бочонки с медвежьим салом и пушную рухлядь, Любенья совсем было отказался. Не с руки ехать, еще третьего дня уговаривались с мужиками на большую облаву – загнать лосей, что видели неподалеку от деревни, накоптить и навялить мяса.

Передумал Любенья в последний момент. Пришло в голову: вниз по Лаге-реке, по течению – куда ни шло, а выгребать назад, вверх, старому тяжело будет. Руки у кузнеца по-прежнему крепкие, но со спиной плохо, подводит. Снарядить с ним кого-нибудь из молодых – так замучают болтовней. Молодость разговорчива, а Творя не любит тереть языком о зубы. Да и не возьмет кого ни попадя, один пойдет. Он крепкий в своем упрямстве. В точности как его железные заготовки.

Сам Любенья умел молчать в лад с кузнецом. За это, как и за навык огненного ремесла, полученного парнем в земле свеонов, Творя отличал его. Уважал как равного, хотя сам старше годами чуть не втрое, на совете старейшин рода сидит на почетном месте. Часто зазывал к себе в кузню, куда мало кого пускал. Известно, дело огня и железа не любит случайных глаз. Кузнечное ремесло – это тоже волхование, священнодействие в честь Перуна Сереброголового, когда-то подарившего родам человеческим не только воинскую науку, но и огненные ремесла.

Да и то сказать, чего бы не пройтись по реке, не глянуть, как обстроились оличи на новых землях? Этот род, одного корня с ними, поличами, недавно снялся с насиженных мест у града Юрича. Как раньше поличи, подался в глухие в северные леса, подальше от князя Хруля с его дружинниками.

Старый князь, свеон по рождению, бывший морской конунг Харальд Резвый, с каждым городом становился все жаднее до дани и изобретательнее в поборах. Из всех родичей, пожалуй, только Любенья мог правильно выговорить это сложное, с карканьем звучащее – морской конунг Харальд Резвый. Не забыл еще чужой язык, как не забыл все пятнадцать лет в землях свеев.

Честно, как в небо глядя, вспоминал часто. Сам не понимал, то ли любовался прошлым, то ли жалел о нем. Страны, народы, тугие ветры морских дорог, звонкие песни мечей, восторг победы, хрипло рвущийся из пересохшего горла, – все там, в прошлом. Там – побра-

тимы, за которых не жалко жизнь положить, там – коварные враги, чья ненависть тоже делает мужчину сильнее. А здесь...

Вот, вернулся, а все словно не до конца пришел. Словно часть его осталась в чужой земле. Свой будто, а наполовину пришлый.

Житье родичей простое, лесное. И заботы обычные: охота, рыбалка, хлеб, скотина, дрова. Работаешь, добываешь, крутишься как пущенное с горы коло, оглянешься – день ото дня не отличить. От того, может, и разговоры тягучие, как зимняя ночь. Порой, казалось, все это застревает в глотке, как сырая рыба без соли. Тоска комом подкатывает под горло – до того пресной кажется здешняя жизнь.

Почувствовав, что на него опять накатило, Любенья мрачнел и замыкался. А многие родичи видели в его молчании презрение и заносчивость перед ними.

Не задирались, правда, знали его боевое умение и змеиную быстроту движений. Он сам показал однажды, как, подхватив из-под ног любую палку, можно уложить на землю с полдесятка крепких парней. И с мечом кое-что показывал. Думал удивить, потешить, а получилось – испугал. Многие не поняли и начали опасаться. Кто-то даже шептался, что тут не обошлось без черной волшбы. Мол, вспомните, родаки, когда-то мы, поличи, с черными колдунами боролись, а тут – своего вырастили, получается. Того гляди начнет плевать в небо назло богам Ирия и приносить жертвы подземному Ксарю Кощею. Нет, паря, тут надо в оба глаза смотреть, судачили особо бойкие на язык. Обратно сказать, кровожадные боги свеев, которым столько лет прослужил Любенья, по-тамошнему прозывавшийся Съев-наром Складным (язык-то сломаешь напополам, пока выговоришь такое имя!), не простили, небось, побега. Посылают к нему во сне валькирий (тоже, други, чудное слово, а сами вроде как наши мавки или, пущай сказать, упыри!), чтоб сосать из отступника силу-живу. Именно поэтому он, Любенья, часто ходит хмурый с лица. Знает, когда-нибудь злые валькирии высосут его до донца. Чужие боги, известно, с ними только свяжись, век не распутаешься! А уж боги свеев – лютей не бывает, в своем небесном мире (Асгард он у них называется) дружка дружку поедом едят, только отовсюду и слышно, как зубы о соседские кости лязгают... Съедят каждый каждого, потом обратно встают, мясом заново обрастают, потому – бессмертные... Не, робя, что говорить, наши словенские боги суровы – Сварог, старейшина богов, может всю Явь в ладонях поднять, Дажь-бог так силен, что плечом толкает Коло Времени, Перун, защитник богов, мечом-молнией скалы напополам разваливает... Но эти свейские асы, пожалуй, еще позадиристей будут!

Попробуй объясни им, что прекрасные девы-валькирии не сосут силу-живу, а провожают павших с честью бойцов в Вильнев и Валгаллу, пиршественные залы Одина-Все-Отца, невесело усмехался Любенья. И, вообще, боги свеонов, данов, гаутов, новегов и прочих народов фиордов не такие уж злобные. Ссорятся между собой – да, бывает. А разве наши не ссорятся? Разве Сварог не изгнал когда-то из круга высших богов слишком хитроумного Велеса? В точности как бог фиордов Один-Все-Отец изгнал из Асгарда Локки Коварного. И, задуматься, по той же причине – за ту великую змеиную хитрость, что сродни подлости.

Подумать, сравнить дела их и наших богов – не разберешь, где разница, да...

Любенья знал: доброхоты втихоря нашептали – особенно усердствуют в язвительных разговорах дядька Весеня да его собственный кровный по матери брат Ратмир. Младший брат, сын покойного дядьки Ратня.

Ну, Весеня – не злой, просто глуповат малость, оттого и любит болтать невесть что. Такая натура – на ходу придумывает, заплетает языком кружева и первый же своим выдумкам верит. Хлебом его не корми, лишь бы слушали. Балабол он, даром что седого волоса в бороде уже больше, чем темного. Мамка Сельга однажды рассказала, посмеиваясь: когда-то Весеня отличился в схватках поличей с дружиной Рагнара Однорукого и с тех пор навсегда загордился. А гордость, известное дело, с умом частенько не ладит.

Ратмир... Этого сложнее понять... Вроде бы одна кровь течет в жилах – брат. И с виду – в отца пошел, могучего Ратня, такой же огромный, бугрящийся плечами в неполные семнадцать лет. Но характером не в отца. Дядька Ратень был умным и добрым, Любенья его до сих пор вспоминал. А у Ратмира взгляд хоть и похож на родительский, но звероватый какой-то. На красивом лице – усмешка вечная, что ни слово, то подковырка.

До возвращения старшего брата Ратмир считался первым силачом рода, верховодил парнями, даже на зрелых мужиков повышал голос. Бойтся он только матери Сельги, ну, так ее все бояться... Младший брат, кстати, сам подбил старшего показать воинское умение. Первый напал в азарте, и первый же полетел кубарем, перекинутый через бедро.

Обычный прием, в фиордах его дети малые знают. Неужели за такую чепуху злиться?

Зара, правда, обмолвилась как-то Любене, мол, слышала краем уха, Ратмир винил его перед парнями в смерти отца Ратня. Мол, Ратень, защищая Любенью, погиб, а этот, видишь ты, вернулся – сытый, гладкий, хитрый на всякие бойцовские штуки. И кто он после этого, как не свейский выкормыш?!

Получается, он, Любенья, сам виноват, что его, семилетнего, взяли в плен дружинники Рорика Неистового, увезли в чужую землю. Чуть не погиб там, мало что не зубами перегрыз рабскую колодку, голыми руками переломал хребет тяжелой доле – получил свободу, стал воином, вернулся.

Тот разговор с Заринкой запомнился. Любенья только собирался ответить, сказать все это, как девушка вдруг осеклась и перевела разговор на какие-то пустяки. Сообщила, видимо, что брату рассказывает про брата.

Хорошая она, Зара-Заринка, понимает многое...

В селенье Зару тоже считали чудной. И лес знает, как мужик-охотник, по седмице пропадает там с луком, из которого бьет без промаха, и (не поверишь, паря!) никому из мужиков не дается. Четырнадцать лет уже минуло, в самый женский сок входит, а все свое девичество бережет.

Положа руку на сердце, однажды, вскоре после возвращения к родичам, Любенья сунулся к ней игриво, прихватил за небольшую мягкую грудку. И мгновенно получил такой удар точно в глаз, что яркие, белые искры пошли вокруг хороводом. Пока промигался, продрал глаза – ее нет рядом.

Боялся, обиделась, а она при следующей встрече даже не вспоминала, лишь улыбалась лукаво. Теплей к нему стала, совсем как сестренка. Чудная! Ну и он больше не совал руки, куда не просят... Может, потому Заринка завела с пришлым воином сестринскую дружбу, что оба они представляются родичам чудными?

Пусть! Зато с Заринкой можно было поболтать ни о чем, посмеяться над пустяками. А с Творей в его закопченной кузне можно хорошо, всласть помолчать.

Мамка Сельга, мудрая как сама Мокошь-богиня, прядущая судьбы, сочувствовала маете сына. Успокаивала: «Ничего, перемелется. Дай срок, родичи попривыкнут к тебе. Сам знаешь, сынок, как тяжелы они ко всему новому, камни – не люди... А для себя, сын, уясни – Дерево Жизни не растет вниз. Каждый человек, следуя судьбе, отдает богам свое прошлое, а взамен от них получает будущее. Если держаться за прошлое, цепляться за него руками обеими, то и будущего от богов не получишь. Так ведь выходит? Думай об этом!»

Любенья понял: все замечающая мать и Ратмиру что-то сказала, младший брат перестал цеплять старшего. Начал выказывать положенное почтение. Хотя по-прежнему косился недобро.

Но – думай, сказала... Или он не думает?

Прошлое хорошо тем, что прошло. Так говорил его побратим и наставник в искусстве меча, непобедимый Гуннар Косильщик. Другие слова, а похожие...

Но ведь все изменилось! Алекса, оличанка, солнечная девочка, согрела его своими улыбками-лучиками, помогла задуматься не о прошлом – о будущем!

* * *

Как просто получилось, продолжал удивляться он. Просто – чудом, как в Весениных небывальщинах, которые неугомонный дядька плетет, кажется, прямо с ходу.

Свое селение оличи взялись обустраивать в двух днях пути по реке от угодий поличей. Новая деревня встретила Любеню и Творю суетой – обустраиваться на житье с женками, детьми, скотом и скарбом всегда долго. Мужики тюкали топорами, парни таскали из лесу бревна и жерди, бабы и девки сновали по своим надобностям. И уж совсем без надобности мельтешилась под ногами взрослых писклявая ребятня.

Гости сразу увидели: оличи обустраивают теперь общественные строения – амбары, копильни для рыбы и мяса, загоны для скота. Свои дворы уже были готовы. Свежесрубленные избы блестели тесаными боками, вкусно сочились густым деревянным духом. Времянки, понятное дело. К следующему лету, когда мороз выжмет влагу из бревен, ветра и дожди заморят дерево, а жара высушит, наскоро зарубленные углы все равно поведет. Избы нужно будет снова раскатывать и перекладывать плотнее, уже насовсем. Пока же, при хороших печах-каменках, и так сойдет перезимовать.

С торговыми делами поличи управились быстро, обо всем было договорено заранее. Гости разгрузили товар, перетаскали его на двор кузнеца, потом, крикая и отдуваясь, вкатили в лодку четыре большие железные чушки. Потом кузнец оличей, косматый как медведь и такой же сильный с виду, с пятнами застарелых ожогов на длинных, с черной щетиной руках, зазвал их за стол. А как иначе – гостей приветить положено, не то домовник обидется на хозяина, начнет пакостить.

Посидели, подняли по три обязательные чары с медовой сурицей – за встречу, за гостеприимный дом, за предков в Ирии. И совсем уж собрались плыть назад, пока солнце еще высоко, но тут на Любеню налетел олич Витень. «Как же так, паря, в село пришел, а в мою избу носа не показал! Не хорошо это, не по-товарищески... Торопитесь? А куда торопиться? Река, чай, не обмелеет, железо ваше не проржавеет... Люди говорят – спешить не надо, а то успеешь!» – весело приставал он.

Когда-то их вместе везли в плен воины конунга Рорика. Давно было, и знали-то они друг друга день или два, – оличу удалось бежать, прыгнув в воду, – но он с тех пор Любеню как родного встречал. Почитал как потерянного и найденного друга.

Это удивляло сначала. Любеня не очень понимал, что тут помнить. Унижение плена, колодка на шее, поскрипывающий бег смолено-черных драккаров, чужие, меченные страшными шрамами лица воинов, неожиданный, безрассудный побег... Лишь потом догадался, что у семейного, домовитого Витеня ничего более памятного в жизни не было – только плен и побег.

Пришлось опять вылезать из лодки, снова садиться за стол. Отказаться от гостеприимства – обида не меньше, чем на порог плюнуть.

Вот тогда Любеня и увидел ее в первый раз.

Алекса, старшая дочь Витеня, до сих пор на глаза ему не попадалась, но вышла, глянула – как ошпарила. В первый миг ему показалось – Сангриль! Давняя, потерянная любовь... Ну да, те же золотистые завитки, распахнутая настежь синева глаз, пунцовая припухлость губ. И те же смешные конопушки на вздернутом носике...

Сангриль? Здесь?!

«Нет, откуда!» – не сразу, но опомнился он.

– Алекса, – сказал Витень. – Старшенькая моя. Вишь, друг Любенья, какая девка – на загляденье.

– Ты скажешь, батюшка... – голос ее был глубоким, чуть глуховатым, с волнующими переживаниями.

Любенья судорожно сглотнул и не нашел что ответить. А она улыбнулась, глянула быстро и тут же завесилась густыми ресницами. Ее улыбка сразу отпечаталась в сердце, как отпечатывается на груди кулачный удар...

Точно, будто ударило его! Оглоушило.

Потом, сидя за столом в избе Витеня, он уже плохо понимал, что ест, что пьет, о чем говорит. Исподтишка разглядывал девушку, ловко подававшую им на стол, все еще сравнивал ее с Сангриль и находил все больше отличий. Она и повыше будет, и плечами прямее, и гибче станом, играет им при ходьбе так мягко, словно ветка ивы колыхнется над водой. И волосы у Алексы чуть темнее, чем у девы фиордов, – в рыжину. И глаза – не как прозрачное небо, как васильки, скорее. И, главное, взгляд совсем не похожий – проще, доверчивее. Ласковее, наверное.

Но сначала был до боли поражен сходством.

Сангриль... Нет, Алекса!..

В лодке на обратном пути Любенья продолжал думать о красавице-оличанке. От кипения мыслей, от поселившегося внутри беспокойства выгребал против течения с такой яростью, напряженной сосредоточенностью, что Творя косился на него с недоумением. Пару раз даже удивился вслух, как это лодка бежит против течения быстрее, чем по нему. Мол, знал я, что swei – мастера веслами работать, но чтоб так гребли... Любенья не отвечал, лишь греб не переставая, быстрыми движениями вытирая потное лицо о ворот рубахи. И рубаху-то насквозь промочил собственным потом...

Вернувшись в селение родичей, Любенья тоже все думал и вспоминал. Два дня так промучился. Днями – как сонный ходит, а ночью на лежанке – почти без сна. Изредка, как в жару лихоманки, проваливался в забытие и тут же снова выныривал. А куда денешься – и во сне, и наяву видел только одно: ее лицо, блеск глаз из-под мохнатых ресниц, лукавый изгиб улыбки. Не иначе Лада, богиня любви, напустила на него сразу всех своих пчел, чей мед так же сладок, как остры жала.

На третье утро, едва рассвело, Любенья решился. Вскочил, надел свое самое лучшее, подвесил к кожаному поясу драгоценный меч Самосек, подарок побратима Гуннара, и чуть не вприпрыжку помчался на берег Лаги, к лодкам.

Вроде бы родичи, видя его в нарядном, с мечом у пояса, удивлялись и окликали. Вроде бы маленькая Заринка смотрела тревожно и пристально, почему-то попавшись на пути не один раз, а два или три. Мамка Сельга точно спрашивала что-то, властно потемнев синими глазами, но Любенья и ей не ответил. Некогда говорить, не до этого, мысленно он уже гнал лодку вниз, к оличам.

Оказавшись на воде, опять греб без передышки, только вода бурлила. Если бы ладони давно не задубели от тяжелых весел драккаров, точно бы стер до крови.

Можно представить себе удивление олича, когда Любенья в сумерках ввалился в его избу. Так быстро и неожиданно распахнул дверь, что девки завизжали со страха, а старуха-мать напрудила под себя лужу. Старая сослепу увидела в нем нежить с огненными глазами, что по темному времени привалила из леса попить вволю кровушки и свежей человечинкой закусить.

А кто еще кроме нежити по ночам-то блукает?

Потом, вспоминая, Любенья сам улыбался, какого наделал переполоха. Без зова, без предупреждения, из темноты...

Он уже сидел за столом с хозяином, а старая все еще настороженно косилась со своей лавки в углу. Подпрыгивала изумленной уткой. Сомневалась – а точно ли не оборотень объявился? Мол, смотри, Витюшка, смотри крепко! Кабы гость твой не перекинулся через себя, не оборотился волком с железными, в локоть, зубами, не изъел поедом всю семью...

Сам Витень довольно быстро сообразил, зачем пожаловал к нему на ночь глядя незванный гость. Любенья лишь по третьему разу повторял свою сбивчивую, косноязычную просьбу, а олич, поскребывая русую бороду на рябоватом курносом лице, уже уяснил, что тот пришел за его дочерью.

– «За старшей небось, за Алексой, – неторопливо вслух рассудил он. – Не, понятно, за старшей... Младшие-то еще в соплях путаются, мал-мала, кому они пока надобны, а вот Алекса – налилась уже. Ягодка! Многие на нее засматриваются... Выходит, просишь тебе отдать?... Обратнo сказать, надо же кому-нибудь отдать, почему ж не тебе, друг дорогой... Парень ты видный, ни статью, ни родом не обиженный... Подумаем, потолкуем...

Думая, Витень толковал так долго и обстоятельно, что у Любени скулы окаменели от нетерпения. Но он внимательно выслушал несколько повторений рассказа о себе маленьком на свейской ладье. Вспомнить, вроде малец, да раненый, а глазами так и стришет, мимо пройди – укусит от гордости. Он, Витень, помнится, перевязывает малому воспаленную рану, а тот лишь зубами скрипит. Терпит. Сразу было видно – такой молодец не пропадет. Из воды сухим выйдет, из пламени не согревшись выскочит!

Потом Витень взялся делиться хозяйственными заботами, долго сетовал, что кроме него в доме одни бабы. Жена, мол, что ни делай, девок рождает, четверо их уже у него. Алекса, старшая, подросла, не заметил как, а вот остальные – мал-мала еще. Еще жена, еще мать-старуха, что прижилась, как положено, в семье у младшего сына. Отца еще третьего года медведь-хозяин задавил на охоте, замаял до смерти, а мать ничего, скрипит пока, да не ломается. Хвала богам, пусть минует ее злобный Хворь со своими болявками... И ведь все на нем, получается, одни мужицкие руки в доме, возьмешься жердину поправить, а поддержать некому...

Запечалившись над этим, хозяин немедленно захотел хмельного, цыкнул домашним, и на столе появилась тяжелая корчага медовой браги.

Под сурицу рассказ олича о своей жизни потек еще более неторопливо. С новыми подробностями помянут был свейский плен, который как-то сам собой перетек в рассказ об охоте, где отца заломал медведь. От той охоты рассказ перекинулся на другие охоты, более удачливые и добычливые, от них – к жадному князю Хрулю с ненасытной дружиной, от князя – к другим пересудам родичей.

Словно забыл хозяин, зачем пришел гость. Рассказывать Витень умел без конца и начала, голос его тлел неспешно, как лучина на шестке. Женщины уже отправились спать, скрылись за полотняной занавесью, отделяющей их половину избы, а старый друг Витень все бубнил и бубнил, не забывая подливать в чары.

Из уважения Любенья слушал, стараясь вникать. Терпел, сколько мог, не перебивая, и даже больше, чем мог. От усталости, от хмельной, кисловатой сурицы, от мерного бормотания хозяина его начало клонить в сон.

Наконец он не выдержал, перебил хозяина, напомнил о деле.

Витень искренне удивился. А разве он не ответил? Вроде бы все сказал, выложил, как глядя в небо.

– Чего ответил? Ах, гость дорогой, дружок мой давний по свейскому плену (Любенья моргнул испуганно, но Витень на этот раз обошел прошлое), что ж непонятного-то? Вроде все сказал! – продолжал удивляться олич. Он, отец, за честь бы почел породниться с Любеньей, отдать свою дочь в семью Сельги Видящей. Поличи – род воинственный, крепкий, и семья в почете. – И сам ты парень видный, красивый, опять же, воин, говорят, знаменитый.

Все так... Только девка-то с норовом, паря. А то, думаешь, не приходили раньше? Еще как приходили – отдай, мол, ягодку. А она – нет, и все! Прямо мне говорит: отдашь, батюшка, перед богами клянусь – в реку брошусь, русалкой стану. А не то – в лес уйду, на ветвях повешусь, оборочусь мавкой! У отца, понятное дело, сердце тоже не мореного дерева, чтоб любимую дочу – в русалки или там в мавки... Такое дело, выходит, у нее надо спрашивать: согласна ли? Она согласится, ну и я соглашусь... Так-то, паря!

Любенья, лязгнув зубами, чуть не выругался в сердцах. Выходит, пока хозяин язык во рту полоскал, давно бы уж все решили!

Витень тем временем опять разливал медовую брагу по чарам с сосредоточенной хмельной старательностью. Бормотал, обнадеживая, мол, ничего, ничего, завтра спросим. Сейчас девка спит, небось, не будить же, а завтра, конечно, можно. Прямо с утра и спросим. Чего тянуть, коль не терпится... Дело молодое, известное, самому когда-то так не терпелось... Чего не терпелось, спрашивается, куда торопился, зачем? Были бы плечи, ноша-то всегда найдется... Тащи вот теперь семью, ломай работу от зари до зари, чтоб всех баб накормить-напоить. Посидеть за столом с гостями, хмельного выпить, поговорить ладом – и то, веришь, некогда...

Он выпил, долго не отрываясь от чары. Любенья от досады впился пальцами в край грубо тесанного стола до скрипа.

– Звал, батюшка? – раздался вдруг звонкий голос.

Нет, она не спала. Появилась так неожиданно, что оба вздрогнули.

– Звал? – удивился Витень. Со вкусом облизнул облитые хмельным пальцы и шумно почесал бороду. – Тебя?... А... Ага... Так не я, вот он звал, – махнул в сторону гостя.

Глаза-васильки вопросительно повернулись к Любене. Поджатые губки будто только что проглотили улыбку. Словно бояться разжаться и выпустить ее, как птичку из плетеной клетки, мелькнуло у полича.

Сонливость мгновенно пропала, в горле стало сухо. Он стремительно вскочил ей навстречу, со стуком опрокинув тяжелую лавку.

Из-за занавеси тут же вынырнуло настороженное лицо бабки.

«А в этом доме хоть кто-нибудь спит сегодня? Впрочем, не до того...»

– Алекса... – Любенья осекся и судорожно сглотнул, выговаривая волшебное имя: – Алекса... Пойдешь за меня? – как с обрыва прыгнул.

– Я? – вроде бы удивилась она.

Девушка хоть и смущалась, краснела, дрожала густыми ресницами, как бабочка дрожит крыльями на цветке, но смотрела на молодого полича доверчиво и открыто.

– Нет, ну, уж не я же! – пьяно влез Витень. – Небось не меня в жены-то зовут. Да и не бабку нашу небось. А я б отдал. – Он хихикнул.

– Отдал он!.. Отдал один такой... А меня ты спросил, сынок родный?... – сварливо донеслось из-за занавеси.

– Бабку, бабку сватать приехали... – захихикали детские голоса. – А старая не соглашается, значит...

Гнев старухи немедленно обратился на них, окаянных, от кого ни ночью ни днем нет покоя.

Любенья опять едва удержался, чтоб не выругаться в сердцах. Дети хихикают, скрипит бабка, хозяин дома пьет, словно через плечо плескает, – и как тут рассказать девушке про свою любовь? Он даже испугался на миг, а ну как действительно подсунут ему бабку вместо красавицы. В такой-то сутолоке.

Алекса тем временем молчала. Очень долго, показалось поличу. Он вдруг с испугом подумал: а если она сейчас начнет, как отец, подробный и обстоятельный рассказ обо всем на свете? Только сейчас бросилось в глаза, что стройная красавица-дочь все-таки похожа на

невзрачного, коренастого отца. Но едва уловимо, как готовый, звонкий клинок – на грубую железную заготовку.

– Пойду! – твердо сказала она.

2

Галея «Божья милость» третий день шла вдоль побережья Понта Евксинского, держа курс на устье Дуная. Хорошо шла, ходко, в полные паруса.

С самого утра Евдаксион Григорс, капитан и владелец галеи, стоял на корме. Дергал короткой шеей, теребил черные, с нитями седины усы и водил по сторонам большим кривым носом цвета рубинового вина. Словно вынюхивал провинности среди команды.

Коренастый, жилистый, проявленный ветрами и солнцем, как окорок в хорошей коп-тильне, капитан был одинаково скор на крепкое слово и на кулак. Впрочем, сегодня, против обыкновения, проклятия горохом не сыпал и зуботычины не раздавал. Капитан был доволен, как идет «Божья милость», почти такая же быстрая, как разведывательные манеры имперского флота. Острый нос галеи, мягко переваливаясь, режет волны, весело перекликаются матросы у клавуса – длинной рукояти рулевого весла. На двух мачтах плотно надуты ветром косые паруса арабского типа – эти нехристи магомедяне, надо признать, придумали удачную конструкцию рей, позволяющую не терять ветер на боковых галсах. Под дощатой палубой исправно всплескивают двумя десятками весел двадцать гребцов-рабов, еще больше ускоряя ход. Даже сюда, наверх, доносятся свирепые окрики и шелканье бичей надсмотрщиков, возвышенных капитаном из тех же рабов за преданность и безжалостность.

И солнце играет бликами в мягких волнах, и чистое небо радует глаз особой прозрачностью осени, и дельфины высовывают из воды остроносые морды с умными, почти человеческими глазами. Добрый знак, когда корабль провожают любимцы древних морских богов.

Конечно, в просвещенном 704 году истинному христианину зазорно поминать имена языческих идолов, непотребных, как похоть дьяволова. Но, что греха таить, втайне их поминали все мореходы. Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух – на небе, патриарх и епископы – на земле, а в море... О, здесь – особое дело, здесь вспомнишь кого угодно, когда завоет и заревет буря, когда водяные горы грудью встают против ветра, а небо на куски раздирают ветвистые молнии. Когда, кажется, людям больше нет места среди хаоса высших сил...

Нет, хорошо идут, не видать ему царствия небесного! При такой резвости галея уже завтра к полудню достигнет мутных вод Дуная, реки варваров. А там все, конец! Можно посадить своего страшного пассажира, посчитать заработанное золото и забыть, что было.

Честно признать, если б кто раньше сказал, что ему, Евдаксиону Григорсу, паценку корабельного плотника и портовой шлюхи, зубами прогрызшемуся из нищеты в судовладельцы и капитаны, доведется принять на своей палубе столь священную особу – базилевса ромеев, сам не поверил бы. Но – вот он, автократор, вышагивает вдоль бортов, ни на кого не обращая внимания. Движения сильные, походка стремительная, высокая фигура с прямыми плечами закутана в пурпурную хламиду с золотом императорских орлов. Глаза большие, темные, пристальные, способны мгновенно округляться от гнева и вспыхивать как свет маяка. Вьющиеся волосы непокрыты, их без всякой почтительности треплет бриз...

Это он, базилевс Юстиниан II, сын Константина Бородатого, последний из династии Ираклидов! Сильный и красивый правитель, чье лицо так зверски обезображено. Нож палача отрезал Юстиниану нос, сотворив из гордого профиля подобие свинячьего рыла. Мясо на обрезках ноздрей зажило неровно, разлапистыми кусками красно-лилового цвета, и при первом взгляде на автократора всякого теперь берет оторопь. Сейчас даже приближенные за глаза называют его Риномет, что в переводе с латыни означает «Меченый Нос».

Конечно, в империи уже давно ввели в качестве официального языка благородный греческий, но невежественный плебс неохотно привыкает к нему, до сих пор предпочитает простую и грубую латынь. Что греха таить, капитан Григорс тоже охотнее говорил на латыни, где и ругательства звучат куда как звонче. Хотя, пока автократор на галее, лучше, конечно,

придерживаться греческого, сам понимал. Пусть базилевс-то свергнутый, но ведь базилевс же!

«Только б не случилось чего, только б дойти побыстрее!» – в очередной раз подумал капитан Григорс, оглядывая небо и море.

* * *

Двадцать лет назад, когда базилевс Константин IV по прозвищу Бородатый отдал богу душу от поносной болезни, Евдаксион Григорс был совсем мальчишкой. Но помнил: на побережье тогда много говорили о том, что придворные астрологи прочат шестнадцатилетнему Юстиниану II, новому автократу, счастливое царствование. Обещают, что в скором времени второй Юстиниан превзойдет славу своего тезки, Юстиниана I, прозванного Великим. Великий прославился как преобразователь, строитель, победитель варваров, расширивший границы империи почти до размеров Древнего Римского государства, а новый автократ должен еще раздвинуть пределы власти Константинополя! На что якобы недвусмысленно указывает необычно благоприятное расположение звезд, случающееся крайне редко. И сам молодой базилевс крепок телом и духом, напоминает того, первого Юстиниана быстротой ума, обширной ученостью и неистовой, деятельной натурой – так говорили. Славное будет царствование – с этим все тогда соглашались...

Но звезды соврали. Или – астрологи?

Неожиданно юный базилевс начал с того, что одним махом разрушил всю тонкую дипломатическую паутину договоров и соглашений, кропотливо сплетаемую его предками. Разорвал отношения даже с теми соседями, которые мирно выплачивали империи дань, и начал череду бессмысленных, разорительных для народа войн.

Его внутреннюю политику отличала такая же непредсказуемость, если не сказать, прости господи, самодурство. Юстиниан в гневе (а когда он в нем не был, спросите) не разбирал сословий, чинов и званий. По самому ничтожному поводу его палачи одинаково быстро подвешивали на дыбу, подкуривали дымом сырой соломы и поджаривали в медном быке и вшивых нищих, и утомленных удовольствиями патрикиев. Молодого автократора за десять лет правления дружно возненавидели и простонародье, и армия, и отцы церкви, и знатные динаты-землевладельцы.

Общим недовольством воспользовался его собственный военачальник Леонтий. В 695 году он возглавил восстание армии и народа, поддерживаемое церковью и знатью, низложил базилевса и заключил в темницу.

Разгульный, бесшабашный рубака Леонтий сам сел на трон Ромейской империи. Но пролить священную кровь Ираклидов все-таки не решился, лишь приказал палачу отрезать Юстиниану армянский, большой, как у всех Ираклидов, нос и кончик языка. Потом сослал Меченого в Херсонес Таврический, запретив покидать пределы этого захолустного городишки на северном побережье Понта Евксинского под страхом смерти.

В Константинополе болтали, Леонтий долго смеялся потом на своих бесконечных застольях, мол, не обязательно убивать врага огнем и железом, можно убить обычной насмешкой. Разве может снова претендовать на власть человек, чей нос стал похож на пяточок свиньи с вывороченными наружу ноздрями, а речь невнятна и шепелява, словно у изъеденного проказой?

Много веселился узурпатор и собственную власть просмеял куда как быстро. Уже через три года на троне оказался новый правитель – Тиберий III, а Леонтий Пьяный был насильно пострижен в монахи и отослан в дальний монастырь. Кажется, куда-то в фему Синелия, что включает в себя большой остров Сицилию и маленькие окрестные островки. И то сказать: повезло Выпивохе, что остался при носе и языке. А главное, при том, на чем все

это держится, – при голове. Просто Леонтия больше никто не принимал всерьез. Даже его преемник Тиберий, подозревающий всех и каждого и дергающийся от страха за свою власть, как черт у чаши со святой водой, не считал низложенного пьяницу своим соперником.

Вот про Юстиниана в Херсонесе Тиберий не забывал. И не зря, оказывается. Дальнейшая судьба меченого базилевса напоминает своей причудливостью воспоминания старого наемника, исходившего многие дороги войны.

Евдаксион Григорс знал: купцы и капитаны, бесконечно мотающиеся по побережью, всегда знают больше всех – до свержения Леонтия Риномет тихо и незаметно жил в Херсонесе с малым числом слуг и рабов. Его жена, жгучая красавица базилисса Евдокия, вообще зачахла от провинциальной скуки и гнилой воды до смерти и была похоронена там же. Только узнав о переменах в Константинополе, Риномет вдруг словно проснулся. Начал появляться на людях и шепеляво, но твердо вести крамольные речи, что Тиберий, мошенник и вор, еще пожалеет о появлении на божий свет. Сам поймет: лучше б ему было сдохнуть в младенчестве от водянки, чем испытывать муки мученические, человеком не представимые, когда он, Юстиниан, прямой потомок великого Ираклия I Преобразователя, снова вернет себе власть! И, кстати, если бывший узурпатор Леонтий решил, что закрыл монашеской рясой свои богомерзкие преступления, то он тоже глубоко ошибается. «Из-под рясы достану! – обещал Риномет. – Устрою ему такие адские муки еще при жизни, каких сам дьявол не выдумает!»

От его неожиданной воинственности робкие херсониты пришли в понятное замешательство. Кинулись совещаться: самим удавить Юстиниана или слезно просить нового базилевса забрать от них отверженного, дабы не осквернять уши изменой верховной власти. И вроде бы решили: сами убьем, а тело сохраним в бочке с медом, будет чем оправдаться перед новым правителем. Но Риномет вовремя почувал опасность. Тайно отбыл из города с небольшим числом доверенных слуг.

Сгоряча архонт Херсонеса Прокий Мезун решил преследовать его с войсками, догнать и казнить. Правда, потом, поразмыслив еще немного, ограничился докладом в столицу о побеге Меченого. Легко сказать – казнить... А как решиться пролить кровь миропомазанного автократора, чей род правил империей почти сто лет? Нет уж, пусть базилевсов казнят базилевсы, рассудил архонт, а чиновники городского управления должны заниматься налогами, податями, порядком и чистотой улиц. Богу – Богово, кесарю – кесарево, так завещал сам Спаситель. Имея, конечно, в виду, что каждое сословие должно знать свое место и не пытаться подпрыгнуть выше собственной головы.

Так Юстиниану удалось бежать из ссылки и затеряться на окраинах обширной империи.

Но Евдаксион знал и больше. Не далее как месяц тому назад, как раз накануне сентябрьских календ, он провел какое-то время в собственном доме в прибрежном городке Тома. И однажды допоздна засиделся в таверне Малания Шелудивого, мужа с виду паскудного, с темной плесенью на лице и руках, но в делах надежного. Компанию за столом капитану составил известный сплетник, торговец рабами Фока Скилиц по прозвищу Плешивый. Нагрузившись крепким крымским вином по самую ватерлинию, Скилиц вдруг взялся рассказывать капитану, что исчезнувший Риномет после бегства из Херсонеса неожиданно объявился в окружении джебу-кагана, великого кагана хазар. Ну да, того самого свирепого Ибугира Глявана, что ест плохо прожаренную человечину по утрам и вечерам, запивая христианское мясо дымящейся кровью!

Нам с тобой, друг Евдаксион, разглагольствовал захмелевший Плешивый, остается только догадываться, что наобещал Риномет джебу-кагану, как убедил твердолобого Глявана, что еще имеет силу и вес в империи, но многие свидетельствуют: Юстиниан был принят повелителем диких с таким почетом, словно и правда завтра сядет на троне. Каган

даже отдал за него замуж свою сестру. Ту быстренько крестили по православному обряду и нарекли базилиссой Феодорой. «Только подумай, почтенный Евдаксион, не мытая никогда хазарка и – базилисса... Воистину, причудливы дела Господа и помыслы его неисповедимы!»

По рассказу Плешивого, после венца молодые удалились из хазарских степей в прибрежную Фанагорию, где базилевс начал свою дикую базилиссу любить. «И так, и этак, и по-всякому – в общем, как кошки, собаки или нищая чернь любит, презрев стыд!» – сладко причмокивал губами щуплый, сухенький Фока, словно сам подглядывал в приоткрытую дверь. И хазарка от усердия царственной плоти вскорости понесла. Так люди говорят, да...

Наверное, не зря про него болтают, что по мужской части Скилиц уже ничего не может, зато смотреть любит – за уши не оттащишь, усмехался про себя капитан. Когда-то про Скилица говорили, что он весь свой женский товар пробует самолично, купить у него девственницу – что вырвать мясо из пасти нильского крокодила, но постарел с годами, поистрепался. Теперь рассказывают: Фока отбирает самых свежих и красивых юношей и девушек из рабов и с вечера до утра заставляет их совокупляться у себя на глазах. Сам сплетает их в замысловатые позы и млеет, глядя. Тех же, кто ослабнет, лично взбадривает плетью.

Вспомнив это, Григорс хохотнул – проторгуешься этак, портить хороший товар! Понятно, почему Плешивый не слишком удачлив в делах. Настоящий-то купец из-под себя вынет да и продаст втридорога, а Скилиц все больше беса тешит на погибель души.

Смех капитана Фока воспринял как недоверие к его осведомленности. С еще большим жаром продолжил повествовать о приключениях Риномета, для убедительности цапая Евдаксиона за складки нарядного таласа. Капитан брезгливо отстранялся (не для того шит талас из дорогой константинопольской парчи, чтоб за него цапали жирными от мяса руками), но слушал внимательно. В торговых делах никогда наперед не знаешь, какая из новостей обернется прибылью. Со слов Фоки выходило, в Фанагории Риномет узнал, что джебу-каган вдруг решил продать его базилевсу Тиберию. Точнее, узнала об этом молодая жена и сказала мужу. Мол, верные люди при дворе отца ей сообщили: Тиберий наобещал джебу-кагану за Риномета груды золота и возы с оружием и доспехами. И чего-то еще, земли, небось... А всего-то нужно отдать Риномета или хотя бы голову его.

– Нет, за одну голову, наверно, дешевле у них выходило... – вдруг перебил Плешивого Григорс.

– Почему это?

– Так без носа же! Без носа – товар порченный получается. Если продавать, то со скидкой, значит, – уже откровенно хохотнул капитан.

Плешивый соображал мгновение, потом тоже закатился от его шутки. Закашлялся маленькими, сухими смешками.

– Истину говоришь, почтенный Евдаксион, голова без носа – со скидкой... Ой, не могу, ой, уморил... Ха-ха-ха... А рассудить дальше, так голову знамо удобнее продавать, чем живого. Ее и в Константинополь быстрее переслать, и с дороги она не убежит!.. Без носа-то, со скидкой купленная! Ха-ха...

– А дочь хазарина как же? Хазарка-то? – вспомнил капитан.

– А вот так! Каган, нехристь, родную дочку с будущим ребятенком не пожалел, видишь, оно как... Нехристь!

– Будто христиане за золото не продают, – зачем-то заступился Евдаксион за кагана.

– Оно конечно...

– Еще бы не конечно! Скажу тебе, друг Фока, время сейчас такое – испаскудился народ! Дай побольше, и крест с себя продадут, и душу в придачу. Да и то не дорого возьмут. Чего

они стоят-то, эти души, в которых одна подлость лукавая и никакого божественного просветления?

Скилиц согласно кивал. Он тоже не обольщался по поводу душ современников. Ох, времена, ох, нравы...

Собеседники значительно помолчали, потом Плешивый продолжил:

– Так вот, уважаемый Евдаксион, дальше, значит, сговорились базилевс Тиберий с джебу-каганом, и за Ринометом (головой его окаянной!) отправились архонт Максим Валгиц, а с ним еще один из чиновных. Юстиниан же, не будь дураком, отозвал Валгица в отдельную комнату, якобы на пару слов тайных, и быстро задушил струной от арфы. Потом второго позвал и задушил так же. Отослал беременную Феодору, базилиссу свою неумытую, к отцу в Хазарию и снова исчез, как раньше из Херсонеса. Вот такие дела, друг, творятся под Божьим небом... И то сказать, – Фока вдруг присунулся поближе к уху Григорса, горячо обдав винным духом и зубной гнилью, – может, и не плох был Юстиниан Риномет на троне... А, друг, как думаешь?... Не так плох, как теперь говорят... Ну, на дыбу вешал, дымом курил – так боялись же его! Чиновные, только имя его услышав, с лица бледнели! Сейчас-то, глянь, сборщики податей за последней медной нумией хоть в задницу к тебе залезут, из кишок вынут. А думаешь, в казну она попадает, нумия? Нет, все себе, себе... Совсем порядка не стало в православной империи! Бога они не боятся!..

С этим Евдаксион был согласен. Бога не бояться – истинно. При Ираклидах, крепких как один правителях, жили куда тверже и правильнее, чем при Леонтии Пьяном и Тиберии Пуганом. Это весь народ говорит. Сейчас, купив должность, каждый из чинов начинал рвать деньги, где только может, пока власть опять не сменилась и его место снова не перепродали. Но углубляться в опасную тему все-таки не стоило, не место в таверне таким разговорам.

Маланий, как и все содержатели таких заведений во всей богоизбранной империи, регулярно докладывал о речах посетителей тайному сыску. Конечно, этот хитрован знает, о ком можно докладывать, а с кем лучше дружить, чтоб не потерять прибыль, контрабанда-то к нему от Григорса поступает. Вроде надежно, но на кого можно надеяться в наше время?

Не поддержав тему всеобщего неустройства, капитан отшутился. Мол, кому как, а ему, к примеру, жалко сборщиков налогов, принужденных ковыряться в заднице у Плешивого. Монет они там не найдут, а кое-чего другого – в избытке наковыряют, только загребай.

В отместку за страшные разговорчики, от которых так и тянет вонюю тюремных подземелий архонта Крыма, Григорс начал ехидничать над рассказом Плешивого. Мелко прихлебывал терпкое, без воды и меда, вино и ухмылялся язвительно: все вроде бы складно, красиво брешешь, друг дорогой, только непонятно одно... Чего? А вот чего – за какой надобностью, к примеру, джебу-кагану хазар есть плохо прожаренную человечину? Или у Ибугира Глявана мало слуг, способных хорошо приготовить мясо? Или не хватает ременных плетей, придающих слугам неиссякаемое усердие?

– А любит! – нимало не смущался Фока, по привычке приглаживая маленькой, в пигментных пятнах ладошкой последний, уцелевший пушок за ушами. – Как есть любит каган, чтоб мясо под зубами почти пищало. Потому – дикий он!

Плешивый – такой, и совет где, да никогда не сознается. Когда-нибудь точно добрежется до тюрьмы архонта или чего похуже! Ну, бог ему судья...

* * *

Наговорились тогда с Фокой, насиделись за столом до отрыжки и разошлись. И надо случиться, что как раз днями после того разговора на борт к капитану Григорсу заявился некий Миак, человек непонятный какой-то. По годам – не старый и не молодой, наружность – не броская, одет не бедно, но строго, в темное.

Гость пристально, цепко глянул на капитана и сказал, что галера «Божья милость» известна на крымском побережье быстротой хода, крепостью и надежностью, потому к нему, Григорсу, важное дело. Нужно, мол, отплыть немедленно к городу Символы, забрать оттуда одну очень высокопоставленную особу и перевезти ее к устью Дуная. «А кого, зачем, про то капитану знать без надобности!» – криво, без веселья, усмехнулся Миак, поглаживая темную, аккуратную подстриженную бородку.

По властной, спокойной манере держаться капитан сначала принял его за фискала или иного чина из администрации. Сейчас чиновники (ох, прав Плешивый!) такую власть взяли без узды и опаски, что в горле пересыхает от злости. Впрочем, быстро сообразил, что те бы назвались сразу. Этот – нет, словом не обмолвился. Значит, из простых будет. Ну, так простонародье должно знать свое место, а не ходить так, будто никогда не гнуло спину в поклонах!

Евдаксион сам знал за собой этот грех – боялся он власть имущих. Еще с детства, наверное, с тех давних пор, когда босоногим мальцом все время слышал про «них», которые «могут все». В море ничего не боялся, и шторма его били, и с пиратами приходилось рубиться, и однажды чуть не угодил в плен к зловредным арабам-нехристям, ушел с кораблем лишь чудом, за счет собственной лихости и нахальства. А стоит увидеть какого-нибудь демагога (так, на греческий манер, называют теперь чиновников) – сразу дрожь в коленях и на душе как-то нехорошо делается. Неуютно от робости.

Разозлившись, что гость, скорее всего, заметил его первоначальный испуг, Григорс расправил усы, обстоятельно прочистил глотку вином и начал куражиться. Да чтоб ему обжечься на морской каракатице, сочащейся слизью, чтоб ему тысячу лет не ступить на берег, чтоб ему опиться гнилой водой до опухлости рук и ног! Да пусть хоть всю «Божью милость» усадят высокопоставленными особами, а он, Евдаксион Григорс, удачливый купец, уважаемый член Лиги мореходов и корабелов, известный на побережье капитан, не собирается ни в какие Символы. У него свои дела и заботы. Важные дела и многочисленные заботы. «Про которые случайному человеку знать без надобности!» – мстительно передразнил он.

Перед простым человеком почему бы не показать гонор?

Миак слушал капитана, не меняясь в лице. Даже как будто с некоторой скукой, как пожилой учитель наблюдает за проделками очередного юного оболтуса, пришло в голову Григорсу.

– Сто золотых солиди за этот рейс, – прервал он изливания капитана. – Десять – сейчас, остальные в устье Дуная.

– А... – Григорс поперхнулся. – Сто?..

Гость смотрел все так же спокойно.

– Я не ослышался, уважаемый господин?! Сто золотых? Не семиосисов, не тремииосисов, сто полновесных солиди, уважаемый?

Плата раз в двадцать превышала ту, которую Григорс запросил бы, окончательно обнаглев. А честно сказать, согласился бы и за пять серебряных милиарисиев, тоже цена высокая...

– Именно. Сто! Десять – сейчас, остальное – на Дунае, – повторил Миак и небрежно, словно пригоршню медных нумий, бросил на стол кошель грубой кожи. Внутри приятно, мелодично звякнуло.

Капитан быстро накрыл кошель широкой ладонью. Дернул завязки, заглянул внутрь и невольно расплылся в глуповатой улыбке. От радости чуть было не ляпнул, что за такую плату хоть собственную душу готов заложить. Удержался лишь в последний момент – а ну как спросит на самом деле?! В смысле – душу...

Едят его рыбы, кто знает, кто этот гость, что так сорит золотом... Где звон золотых, там и запах серы недалеко! – как любит говорить отец Велизий из церкви Пречистой Девы. Этот

знает толк в сере, ему, хоть и служитель Господа, ее, похоже, нюхать и нюхать. Ненасытное чревоугодие и неистребимая жажда, которые сам Велизий объясняет провальной болезнью кишок, явно приведут пастыря в место пониже рая...

Тем же вечером «Божья милость» выбрала якорь и вышла в море.

Символы, по-хорошему, даже городом трудно назвать, совсем небольшое поселение неподалеку от Херсонеса Таврического. Зато на берегу множество маленьких укромных бухт, куда удобно причаливать по тайному делу. Как большинство мореходов, Евдаксион в эти смутные времена хорошо зарабатывал на контрабанде.

Нет, капитан Григорс с самого начала понимал, что плавание не простое, сто золотых – слишком щедрая плата за обычный рейс. Правда, дело оказалось не в дьявольщине. Но не многим лучше. У Евдаксиона дыхание перехватило, когда на борт взошел высокий человек с изувеченным носом в пурпурной императорской хламиде. Понял, кого предстоит везти, во что вляпался... Государственная измена – каракатица ему в глотку!

Впрочем... А кто узнает? – тут же сообразил капитан. И самому базилевсу, и его спутникам сохранение тайны еще важнее. И сто золотых солиди – все равно сто золотых солиди, за такой куш можно рискнуть просоленной шкурой. Сама его галера, птица морская, этих денег не стоит!

Значит, теперь Меченый бежит на Дунай... Зачем? Там и просвещенного люда нет, одни варвары – авары да болгары. Уж не к ним ли нацелился?..

Риномета сопровождали мускулистые, в шрамах, телохранители при броне и оружии и десяток явно знатных господ, тоже при мечах и кинжалах. На галее сразу стало тесно и многолюдно. Тут в самом деле не знаешь, как встать, как повернуться, как рот открыть, чтоб не брякнуть неподобающего. Он и при виде чинов из окружения архонта всегда испытывает нехорошую слабость в кишечнике, а здесь – багрянорожденный базилевс со знатными приближенными!

«Посмотреть, хоть и свергнутый, а вон как держится! Величия столько, что при одном взгляде язык проваливается до самой жопы! – с грубоватым восхищением думал Григорс, украдкой посматривая на базилевса. – Увидеть его на троне – сдохнуть, наверное, со страха...»

Риномет почти не обращал внимания на капитана. Лишь глянул вскользь – непонятно, заметил или нет. Автократор, похоже, ни на что и ни на кого не обращал внимания. Все плавание шагал и шагал по палубе, морщил высокий лоб, почесывал свинячий обрубок носа, перекатывал в голове свои думы. Больше половины его свиты скоро свалились с морской болезнью, лишь изредка выползали из трюмов под палубой поблевать за борт. А он – как железный! Перекусит наскоро или перемолвится со своими несколькими словами и опять вышагивает...

* * *

«Куда же все-таки бежит базилевс на этот раз?» – от нечего делать гадал капитан на протяжении всего плавания. Вот и сейчас, стоя на палубе, Евдаксион опять задумался над капризами злой Фортуны (тьфу, пропасть адова, не хотел, а опять оскоромил себя язычеством!), которая даже всесильными правителями мира играет, как ребенок деревянными куколками. «А Впрочем, его-то какое дело... – не в первый раз одернул себя капитан. – Только бы дойти, только бы дойти побыстрее и забыть все...»

Словно сглазил!

Успокоенный хорошим ходом галеры капитан снова растекся мыслями и как-то просмотрел момент, когда у горизонта появились и закручались небольшие серые облачка. Издалека – нестрашные, легкие, но на самом деле очень нехорошие облачка... Для опытного

морехода, вдоволь нахлебавшегося коварства осенней погоды, печенкой и требухой прочувствовавшего, что эти воды издавна называют черными не за цвет волн, совсем паскудные облачка – заметил их наконец Григорс. И движутся слишком быстро, догоняют галею, чтоб ему подавиться жгучей медузой!

Облака действительно словно погнались за кораблем. Быстро, как бывает на море, развернулись в огромные тучи, обложили небо так же плотно и неотвратно, как орды варваров обкладывают приграничные городки. Вода за бортом словно начала закипать, вспенилась белым, пошла частыми, злыми всплесками. Ветер усилился, заморосил дождь, и белый день скоро превратился в подобие ночи.

Неторопливые размышления на корме для капитана закончились. Теперь приходилось носиться по палубе таким же диким галопом, как пьяный моряк гонится за смазливой шлюхой. Дел сразу стало невпроворот. Пришлось быстро убирать паруса, вынимать из гнезд тяжелые мачты, снимать с них навесные реи и укладывать вдоль бортов.

Капитан сипел, хрипел и погонял матросов такими словами, что, наверное, черти в аду восторженно вторили его выкрутасам. Временами он вспоминал про высокородного пассажира, испуганно оглядываясь в его сторону. Но ветер крепчал, волны высились, и как тут стерпеть, чтоб не поддаться скорости очередному бездельнику, никчемному сыну козла и девки-давалки, смачным пинком под зад! И как не растолковать попутно, что для спасения собственной шкуры нужно хвататься за канат не как баба беременная щиплет себя за соски, а как черт вцепляется в душу согрешившего праведника! Веселей, веселей, ребята, чтоб вас дьявол проквасил! Чтоб вам тысячу лет давиться отрыжкой болотной гадюки и срать морскими ежами!

Хвала Иисусу, хоть паруса успели убрать без потерь. А скоро пришлось сушить весла, втягивать их внутрь и наглухо задраивать деревянными щитами весельные порты. К тому времени волны окрепли, выросли, с грохотом и шипением перекатывались через палубу. Трепали галею так же безжалостно, как осенний ветер мочалит на ветке последний лист.

Впрочем, это была еще не буря, лишь ее преддверие...

Клавус держали уже четверо моряков, чертыхаясь и оскальзываясь от натуги на мокрых досках. Одного из них, неуклюжего, колченогого Лукиана из Фары волна смыла за борт, как рукой смахнула. (Упокой, Господь, его грешную душу, хоть и редкостный был лентяй!) Заметив это, Евдаксион сам вцепился в тяжелый и мокрый клавус. Налег всем телом, от усилий забыв ругаться.

Моряки, исходя жарким потом среди холодной воды, из последних сил удерживали нос корабля против волн, все сильнее подбрасывающих галею...

Но и это была еще не буря!

Настоящий ад разразился позже, когда водяные валы выросли, казалось, до самых туч, когда ветер завыл-засвистел как тысяча голодных бесов, когда за стеной дождя уже стало не различить воду и воздух, и лишь ослепительные, оглушительные молнии освещали бедствие «Божьей милости».

Капитан Григорс плавал по морям с неполных десяти лет, видел штормы, всякое повидал, но подобные на его памяти можно пересчитать по пальцам одной руки...

Когда переломился дубовый клавус, он сначала не понял, что случилось. Показалось, молния треснула совсем рядом, странная молния без огня. Все еще сжимая в руках кусок дерева, он отчетливо, как-то очень неторопливо удивился про себя, насколько вдруг легко пошла рукоять, словно волны разжали пальцы... А почему он падает? Почему матросы-бездельники вдруг посыпались за борт переспелой айвой с дерева?... Тут его с силой стукнуло о палубу, поволокло в потоке бурлящей воды. Лишь обломок клавуса в окостеневших ладонях, встав в распор между фальшбортом и еще чем-то, удержал капитана от падения в море.

Это он сообразил потом, когда очнулся. Сначала сознание погасло от удара головой о твердое...

Сколько он пробыл в забытии? Что теперь с кораблем?

Бог знает!

В голове вяло, с болью, шевелилось обреченное: «Лучше бы не выныривать из мрака, все равно всем конец! Клавус сломан, неуправляемую галею рано или поздно повернет к волне боком, опрокинет вверх килем, разобьет в щепки... Попробовать поворачивать веслами? Нет, не получится на такой волне, стоит отдраить порты, как трюмы зальет по самый верх... Конец! Господи, да за что же?!»

«Отче наш, еже Повелитель един, еже суть Пастырь рабов твоих...» – сами собой возникли в душе слова молитвы. Он горячо, торопясь, сбиваясь, зашептал их, отфыркиваясь от соленой воды.

Конец!

Капитан сам чувствовал, его сознание словно бы раздвоилось в тот момент. От удара, наверное, когда голова пополам... Он навсегда запомнил, как искренне, до слезы, выговаривался священный текст. И при этом успевал еще и о другом подумать – жалел галею и себя, конечно... Так же, не прерывая молитвы, успел подумать не без ехидства, что им, привычным морякам, тяжело, а каково сейчас пассажирам! Тоже молятся, небось, что еще... И тут же, словно в ответ, услышал чужую молитву совсем где-то рядом... Приподнялся с усилием – точно, Миак, то-то голос знакомый... Миак на коленях... нет, на четвереньках, и Юстиниан рядом с ним полусидит, вцепившись во что-то...

А почему Миак кричит на своего базилевса?

– Погибаем, базилевс! Мы умираем!

«Это и так ясно, к чему кричать...»

– Мы гибнем, господин, гибнем! Покайся же! – уже отчетливо слышались выкрики Миака. – Дай же обет Господу Богу нашему во спасение твое не наказывать никого из твоих врагов! Пусть, Боже Святой, все они живут в мире и благоденствии, если Он вернет тебе царство! Пусть будет так во имя Господа Всепрощающего! Прости их, господин, как Иисус всех прощал!

– Ах, не наказывать?!

– Господин!..

– Ах, не наказывать просишь?! Раб! Червь!

Капитан не сразу сообразил, что это не буря отвечает Миаку, это голос самого базилевса. Увидел, как тот, приподнявшись, попытался пнуть слугу. Но не достал вроде бы, очередной удар волн повалил его.

– Господин мой!..

– Да, я клянусь! – выкрикивал базилевс. – Клянусь перед лицом Господа, перед лицом Сына Божьего, клянусь отомстить всем предателям и неверным, всем трусам и малодушным! Пусть Господь потопит меня вот сейчас, на этом вот месте, если я пощажу хоть кого из них, если хоть кто-то из их семей и родни останется безнаказанным! Я, помазанник Божий, законный автократор ромеев, клянусь тебе в этом, Господи!

Обращаясь уже не к Миаку, – к самому Всемогушему! – Юстиниан перекрывал даже рев шторма, показалось Григорсу. И ничего он не шепелявый, так, слегка запинаясь в некоторых словах...

«Теперь – точно конец!» – со странным, оцепенелым спокойствием успел подумать Евдаксион. Богом проклятый базилевс сам накликал. Потом, похоже, капитана опять чем-то ударило. Он снова потерял сознание.

Помнил, когда очнулся, удивился, что все еще жив. Что галею вроде бы болтает как-то поменьше, помягче. Когда капитан окончательно пришел в себя, то увидел, что шторм успокаивается...

* * *

Избитая морем галея подходила к устью Дуная. В голубой дымке между морем и небом уже виднелась темная полоса берега. От нее в синие воды Понта Евксинского отходил широкий клин более светлой воды, это река потоком вливалась в море.

Шли медленно, всего на четырех веслах по каждому борту, над которыми надрывались восемь уцелевших рабов. Мачт больше не было, смыло мачты. И новый, наскоро сколоченный клавус держится почти на соплях, озабоченно поглядывал капитан Григорс.

По привычке он разгладил усы ладонью и тут же сморщился. Слева от темени до подбородка все опухло и налилось синевой, прикоснуться больно. Приложило его...

Впрочем, чувствовать эту боль было даже приятно. Живой, Господи, Твоя воля, слава Тебе!..

Чуть раньше капитан ножом отхватил у себя с головы прядку черных, с сединой волос, незаметно для всех и вроде как для себя самого, отвернувшись от своей же руки, перебросил через фальшборт. Это тем, древним...

– Капитан! – услышал вдруг звучный оклик.

Ох, знакомый теперь!

Григорс вздрогнул, дернулся и во всю прыть засеменил по палубе к базилевсу. Не дойдя трех шагов, грузно бухнулся на колени, склонил голову. Надо – не надо, а хуже не будет, рассудил он. Почтения к высшему никогда не бывает слишком много, всегда – только мало.

– Встань, капитан!

Он встал, но не сразу осмелился поднять глаза.

Когда поднял, заметил, что Риномет смотрит на него без гнева. Глаза яркие, непокрытыми волосами играет ветер, тупые обрезки ноздрей чуть заметно колеблются от дыхания. Спокоен, весел, невозмутим... Как будто не было никакой бури, будто половину людей не смыло за борт и вторая половина не готовилась идти на корм рыбам!

«Вот она, сила власти... – мелькнуло у Евдаксиона. – Хотя нет, не власти... Просто – сила!»

– У тебя хороший, крепкий корабль, капитан, – звучно, но с едва уловимой неправильностью, сказал Риномет. – Мне понравилось это плавание, в нем Бог явил свою волю. Я запомню тебя, капитан. Скоро я верну себе власть, и ты узнаешь благодарность базилевса ромеев! – Он дернул острым подбородком, показывая, что все сказал.

– Слава! Слава Юстиниану II Великому! – Евдаксион снова грохнулся на колени.

«Запомнит?.. Может, лучше, кабы забыл... Да вернет ли трон?» – Капитан опять склонил голову, чтоб автократор, избави Господи, не прочел сомнение в его глазах.

За три с лишним десятка лет жизни Григорс научился разбираться в людях, без этого не только в торговле не преуспеешь – команду толком не наберешь. Он уже понял, что Риномет из тех самолюбивых натур, которые малейшее возражение собственной воле расценивают как прямой вызов...

Подумал и сам испугался собственных мыслей. Ему ли, сыну шлюхи и пьяницы, судить о багрянорожденном? Не нахальство с его стороны – разбираться в характере базилевса?! Хотя...

«А ведь вернет власть!.. Этот – вернет!» – мелькнуло неожиданно, как озарение.

Базилевс, бросающий вызов самому Богу посреди водяного ада, – захочешь, да не забудешь. И пощади, Господи, его врагов, потому что им больше не от кого ждать пощады!..

3

Костер набирал силу, и шаман набирал силу. Кружился, подпрыгивал, бил в бубен и себя хлестал бубном, словно коня подстегивал. Выл, кричал, пел, бормотал что-то даже не на языке талов, совсем непонятное. Глаза дикие, взгляд невидящий, движения настолько быстрые, что не уследишь. Его длинная, ломкая тень в мерцающем свете пламени металась подраненной птицей. Чудилось, вот-вот тень отделится от тела, закружится сама по себе.

Любенья понимал, Хаскара уже здесь нет, его дух уже там, в Верхнем Мире. Путешествует по таким далям, о которых подумать страшно.

Алекса, наблюдая за чужим, таинственным действием, все крепче прижималась к нему. Щекой почувствовав невесомое касание волос, он отвлекся, побережнее переложил руку на ее плечах.

Вроде обычное дело – взять девушку в жены, дать клятву богам быть вместе, делить кров, и хлеб, и судьбу, в радости – радоваться, в горе – не гнаться... Со стороны посмотреть – обычно. А как до самого дошло – нет, не так... У него – по-другому, не как у всех! – был твердо уверен он.

До сих пор самому странно, как сподобился. Ведь он, Любенья, никогда не был особо боек с девками. Начнет с ними разговаривать и робеет почему-то, теряет слова. Брат, высоченный красавец Ратмир, даром что младший, все время задирает кому-то подол в кустах за деревней. А он, старший, все воевал где-то, некогда было научиться. Положа руку на сердце, здесь сам себя не узнал – налетел как коршун на куропатку, схватил...

Подумал и усмехнулся. Вспомнил, как сговаривались их родичи. Тоже неспешно, до томления и зубовного скрежета. Мама Сельга с несколькими старейшинами два раза ездили к оличам говорить, их старейшины в ответ приезжали.

Брать жену из другого рода – дело, в общем, обычное. Не зря на торжища по весне и осени вместе со старшими ездят и молодые. Старшие там, понятно, торгуют, обмениваются товаром, а парни и девки приглядываются друг к другу, кто посмелей – даже сговариваются. Издавна так ведется – кровь между родами мешать, чтоб, значит, в одном не застаивалась. А зачем – даже старики не знают. Наверное, так бог Род завещал, от него пошел этот древний обычай.

Но всякое дело договора требует, а договариваются в лесах подолгу, обедаясь и опиваясь от умственного усердия.

Любенья не сразу понял, что его избранница матери не понравилась. Сельга и не говорила прямо, раз только, когда он вслух восхищался красотой любимой, прервала неожиданно резко: «Красивая, да... Жалко только, умом не вышла». «Почему не вышла? С чего ты взяла?» – растерялся от неожиданности Любенья. «Не знаю уж почему. Не вышла, и все тут... А люди говорят: глупый мужик – беда на дворе, глупая баба – беда в доме...» – сказала Сельга и отвернулась.

Любенья сдержался, не ответил злостью, но крепко тогда рассердился. Нет, в самом деле, Сангриль когда-то называли глупой, теперь – Алексу. Как сговорились все! Там, у свеев, пеняли на его любовь, говорили, что глупа как утка, и здесь все сначала. словно он лишь глупых баб способен любить!

Еще Заринка, сестренка, изъела крапивными подковырками. Мол, краса-невеста статью богата – и спереди как у коровы висит, и сзади как у свиньи не опоросившейся. Только зачем было далеко ездить, неужто в своем роду жоп и грудей не нашлось?

Маленькая пока, бесится от девичества.

Сказал ей – надулась, обозвала его, убежала...

Любеня вдруг вспомнил, как Заринка передразнивала плавную, чуть вразвалку, походку Алексы, широко виляя тонкими, словно у парня-подростка, бедрами. Засмеялся.

– Ты что, Любенюшка? – тихо, в самое ухо спросила Алекса.

Его жена перед людьми и богами...

– Ничего. Так... Подумал, вот придут родичи с утра величать молодых, а нас нет. Потерялись.

– Потерялись, – подтвердила она. – Нехорошо, наверное. Обидятся.

– Хорошо!

Алекса уже несколько раз просила отвести ее к чуду, живым камням, что сами собой перекадываются с места на место. Вот и украл муж жену посреди свадебного пира. Надоело смотреть на хмельные, раскрасневшиеся лица, слушать обычные шуточки про крепость мужского корня и податливость женского устья.

Родичи любили позубаскалить над этим не меньше, чем налившиеся пивом воины моря. И кто утверждает, что все народы отличаются друг от друга?

А ему хотелось остаться наедине. Пить глазами ее красоту, вдыхать ее сладкий, травяной запах, касаться прохладной, нежной, светящейся в темноте кожи.

Убежали! И долго потом смеялись в лесу, представляя, как родичи будут сидеть и сидеть за столами. Есть мясо, хлеб, заедать киселями и кашами, запивать крепкой сурицей. Валиться, вставать, снова пить и есть. И сами забудут, почему сидят, начнут спрашивать один другого...

Девять живых камней, огромные, в половину человеческого роста валуны серо-синего цвета, Алексу не удивили. «Камни как камни, ничего такого...» – лишь сказала она, задумчиво наморщив лобик. Хотя Любеня показал ей следы на земле от их перемещений, рассказал: вот этот раньше здесь лежал, этот – здесь. А ведь никто их не двигает, сами. Живые.

Коснуться, даже просто подойти к камням девушка после его объяснений побоялась. Любеня подошел, положил ладонь на холодный каменный бок. Мамка Сельга как-то объясняла ему, что это не простые камни, что в них – сила. Но не бесов, не навьей нежити, как боятся родичи. Другая сила, непонятная, спящая. «Может, в этих камнях спят теперь древние, неведомые нам боги, что правили на земле до наших, нынешних?» – предположил он тогда. «Может быть», – согласилась мать.

Ему ли не знать про других богов? Широкобедрая, большегрудая фигурка каменной бабы, что нашел он когда-то в Пещере Великанов, до сих пор у него.

На всякий случай Любеня мысленно попросил неведомую силу живых камней тоже благословить их с Алексой.

А потом девушка по-настоящему испугалась – из-за деревьев вдруг вышел шаман талов Хаскар. Те, кто не видел раньше, часто пугаются его вида.

Сам шаман, показалось Любене, не был удивлен встречей. Еще издали кивал приветливо и скалил темные пеньки зубов. Как будто поджидал их здесь.

– Ай, Любеня, ай, молодец парень, – приговаривал кам на языке славян, смешно, по-своему ломая его. – Бабу взял – молодец. Хорошая баба – гладкая, складная. Совсем хорошая...

Любеня Хаскара давно уже не пугался, Сельга с ним часто встречалась, подолгу разговаривала о волшбе, о камлании, о целебной силе трав, ягод и грибов. Говорила потом: талы – древний народ, шаман много интересного знает. Вообще, низкорослые, узкоглазые талы – мирные, у них и железа-то нет, даже оружие костяное. Полича хорошо уживались с ними. Но для оличей талы еще в диковинку.

– Ай, сладкая! Мед, а не баба! Понимаю... – продолжал приговаривать кам. – Молодые любиться хотят, понимаю... Бог Ягила каждую весну любит Землю, шибко любит, много семени разливает. И от этого рождается все вокруг... Хорошо! Но – камлать надо. Сначала

– камлать, в будущее смотреть, деток видеть, счастье видеть... Потом – любиться. Совсем будет хорошо! Пойдем, паря, пойдем, женка, будем огонь разводить... Камлать вам буду, однако, у богов счастья-удачи просить! Хаскар знает, Хаскар может...

Вот так и получилось, что они с Алексой сидят теперь у костра, прижимаются друг к другу как можно крепче, слушают вскрики и бубен шамана, следят за его причудливыми, порхающими прыжками.

Странно все получилось. Необычно. Как необычной стала сама их встреча, растроганно думал Любенья, щекой чувствуя теплое, частое дыхание девушки...

* * *

Пронзительный, тонкий крик кама поднялся, казалось, до самых небес и вдруг оборвался. Резко, сразу, словно в горле у кама лопнула тугая тетива лука. Хаскар упал как подкошенный, прямо рядом с костром. Мало что не попал в огонь головой.

Алекса дернулась было к нему, но Любенья придержал девушку. Нельзя подходить – дух шамана, возвращаясь из небесного путешествия, может испугаться чужих, не вернуться в тело.

Кам лежал долго. И вроде бы не дышал. Любенья сам начал беспокоиться: а как не встанет? Заблудится дух в бескрайних просторах Прави, которую талы называют попросту Верхним Миром, что тогда?

Но шаман поднялся. Сидел на земле, ошалело поводя головой, будто никого и ничего не узнавая. Потом встряхнулся, поднялся тяжело, обеими руками опираясь на палку. Теперь он опять казался старым и неуклюжим. Стоял и смотрел на огонь. На них – нет, не смотрел.

– Холодно, – вдруг сказал он. – Совсем холодно, однако... Скоро белые мухи полетят, Бабу-Землю снежным покровом укроют. Деревья умрут, трава умрет – все умрет до весны. Весной снова жить будет, однако.

– Снег еще не так скоро, – возразил Любенья.

Шаман не ответил. Отрешенно смотрел на огонь, показывая, что уже все сказал.

– Ну, что ты видел? – спросил полич.

Нехорошо как-то ему стало. Тревожно. Слишком явно прятал глаза шаман.

Отец кама, прежний шаман Кирга, был злым как собака, засидевшаяся на привязи. Такой спать будет – во сне укусит. Любенья знал, именно он когда-то науськал первого силача талов Яши на поединок с его отцом Кутрей. Отец чуть не погиб от рук силача, но все-таки убил его, мамка Сельга рассказывала об этом. Хаскар – не такой. Добродушный, приветливый, улыбался часто и много. Талы почитали его, как положено чтить шамана, но не боялись так, как Киргу.

Почему Хаскар вдруг сделался похож на своего неприветливого отца?

– Видел, да... Много скакал по небу на коне, много видел, – рассказал шаман, неохотно цедя слова. – Хаскар может, да...

– Что ты видел?

– Пойду я... А вы любите, да... Пока время есть – можно любиться. Костер большой, теплый, согреет. Женка горячая, сладкая, тоже согреет... Хаскара никто не согреет, Хаскар замерз в Верхнем Мире... Пойду я...

«Пока есть время? А почему – пока?!»

– Что видел?! Скажи! – настаивал Любенья.

– Духи говорили со мной. Это так! – Хаскар обернулся, непроницаемо скользнул взглядом, прищурившись еще больше. Значительно поднял корявый, как сучок, палец: – Духи сказали: кто знает будущее, лишается настоящего! Не надо знать! Знать – плохо, однако... Беда будет.

– О чем ты? Какая беда?! Откуда?!

Шаман опять не ответил. Развернулся и пошел прочь, тяжело припадая на резной посох с выцветшими лисьими хвостами и рогатиной на конце.

Любенья вскочил. И остался стоять. Смотрел в спину удаляющемуся шаману.

Вот бес кривоногий, узкоглазая вражина! Камлать, камлать... «В будущее смотреть, деток видеть, счастье видеть!» – мысленно передразнил он. А теперь – духи сказали... Только растревожил до холода в животе!

Беда будет...

Кинуть ему палку вслед?

– Чего это он? О чем он говорит? – взволнованно спрашивала Алекса. Ее тоже удивило, как сразу переменялся шаман.

– Ничего. Устал просто, – сдерживаясь, пояснил Любенья. – Далеко летал, долго был в Верхнем Мире, вот и устал.

– По правде?

– Конечно, любимая.

– Боюсь что-то, – пожаловалась она.

– Чего?

– Не знаю. Вроде нечего, а боюсь... Мы, бабы, глупые, все время чего-то боимся...

– Не бойся! Со мной – ничего не бойся. Ты же со мной, да?

– Наверное, – она дернула плечиком.

– Как – наверное? Почему – наверное? – сразу встревожился он.

Алекса улыбнулась, блеснув беленькими, острыми зубками. С ним, конечно же, с ним! Широко открытые, доверчивые глаза совсем близко, яркие красивые губы чуть заметно вздрагивают.

Он шагнул к ней, и она шагнула навстречу. Одним движением распустила нарядный, расшитый мелким бисером пояс, откинула в сторону. Гибко, змейкой, выскользнула из рубахи, мягко переступила через нее, качнув полными, налитыми грудями. Розовые соски – как два лукавых, подмигивающих глаза.

Откровенность ее обнаженного тела ослепила его. И отблески костра, что играют на нежной коже, как будто гладят ее украдкой...

Он протянул к ней руки, прижал к себе, зарылся в струящиеся, невесомые волосы, игриво, как расшалившийся щенок, лизнул маленькое ушко.

Алекса плавно, одним движением отстранилась. Потянулась сладко, еще больше приподняв грудь. Провела руками по бедрам, словно показывая их плавную, манящую округлость и трогательный темный пушок внизу живота. Весело повела глазами:

– Ну, воин, я тебе нравлюсь?

– Нравишься! – хрипло выдохнул он.

– Очень-очень нравлюсь? По правде?

– Очень нравишься! Ты – красивой Лады-любви и Лели-весны! – не сразу, но нашелся он.

– Нет, красивой – не надо, – она серьезно наморщила лобик. – А ну как ревнивые богини позавидуют красоте смертной, сделают что-нибудь.

На миг он запнулся мысленно, словно где-то уже слышал подобное. В далеком прошлом, от другой девушки. От прекрасной Сангриль. Что же получается – они не только внешне похожи?... Но Любенья тут же перестал думать об этом. Зачем думать, если кровь стучит в висках ударами молота, если сейчас больше нет никого в необъятной Яви, только он и она...

Пусть будет то, чему суждено быть! Пусть все темные силы Нави встанут у него на пути, пусть сам Рок воспротивится их союзу, но сегодня, сейчас – она с ним!

Она – его!

Глава 2. Огонь в груди

*Говорили великие воины и беки: вот мой мир!
Но приходит смерть, и героев похитит земля.
С кем останется тленный мир?
Земная жизнь, ты пришла и ушла,
твой последний привал – это смерть!
О, земная жизнь!*

Поэзия древних тюрков VI–XII вв.

1

Походный шатер болгарского хана Тервела высок и просторен, как небо над степью. Настоящий дворец из катаного войлока, натянутого на деревянную основу. Стены внутри и снаружи отделаны светлыми, дорогими шелками, закрывавшими теплый, но грубый войлок. Пол поверх обычных кошм выстлан мягкими коврами из Сирии, яркими как цветущий луг. Бронзовые светильники извиваются на тонких ножках, давая не только свет, но и приятный дым благовоний.

За стенами шатра задувают нескончаемые ветра осени, гоняют по жухлой степи подпрыгивающие клубки перекасти-поля, но внутри всегда тепло и уютно от жаровен с рдеющими углями. А сейчас в шатре повелителя Великой Болгарии даже жарко, от многолюдства и духоты потрескивает и чадит масло в светильниках. Хана Тервела, неподвижно восседающего на мягких подушках, окружают дородные боилы, суровые, отмеченные победными шрамами полководцы, тощие, увешанные амулетами камы и седобородые родовые старейшины. Ковры перед ними густо уставлены кушаньями. Баранина и конина – простая, традиционная еда степняков – перемежаются причудливыми кушаньями греческой и итальянской кухни. В серебряных и золотых кувшинах вино, пиво, наливки из ягод, медовая брага словен и кислый кумыс.

Ханский пир – в честь высокого гостя, автократора ромеев Юстиниана II. Сам гость сидит в другом конце шатра в сопровождении всего двух телохранителей и двух знатных ромеев. Невелика свита у свергнутого правителя, отметили все приближенные хана, скрывая ухмылки.

Хотя, рассудить, пусть сейчас базилевс Юстиниан не у власти, но кто, кроме Тенгри, Отца Небесного, знает судьбы людские? Сейчас – нет, завтра – да, особенно если хан Тервел со своим огромным войском решит вмешаться в ромейскую политику. Все знают, узурпатором Тиберием в империи не слишком довольны, тот много думает о том, как удержать власть, и куда меньше – как управлять обширной державой. Самое время ударить по богатым ромеям и вдоволь пограбить.

Впрочем (это тоже все знают!), давать хану Тервелу советы, что плевать против ветра. Если совет хорош, можно не сомневаться, хан сам уже до него додумался, если плох – хан все равно выслушает внимательно, но скажет потом так остро и хлестко, что насмешка разнесется по всем аилам, повторяемая множеством голосов. Хан хоть и славится невозмутимостью, но к глупости нетерпим. Нет, уж лучше, как положено на ханском пиру, есть много и жадно, хрустеть костями, смачно чавкать, рыгать с удовольствием и со вкусом облизывать пальцы...

Не лезет уже? Все равно надо! Чем быстрее и больше ты ешь и пьешь, тем сильнее, значит, любишь властителя. А кто утверждает, что участь придворного легка и приятна? Есть и пить в честь сразу двух повелителей – тяжелый труд. Но – почетный!

Понимая это, приближенные хана усердствовали над блюдами и кувшинами, как туча саранчи на посевах.

Спутники базилевса смотрели на варварское пиршество округлившимися глазами. Наверное, прикидывали в уме, сколько дней и ночей голодала перед ханским пиром болгарская знать. И это называется знать... Дикари!

Виновник торжества Юстиниан Риномет мало прикасался к блюдам, приготовленным в его честь, хотя к вину прикладывался часто. И много хмурился, замечали болгары. Но меньше всех ел и пил на этом пиру сам хозяин, властитель обширного Болгарского государства хан Тервел. Он, невысокий и сухощавый, вообще был воздержан в еде, питье и прочих удовольствиях тела.

Чаще, чем на блюда перед собой, хан, невозмутимо прищуриваясь, поглядывал на гостя. Тервел понимал, Юстиниан недоволен, что принимают его не во дворце в Плиске, а в далекой степи, по-походному. Сам хан не сомневался, что сделал правильно, встретившись с багрянорожденным подальше от городов и селений, где всегда найдутся любопытные глаза и длинные языки. Но вот стоило ли вообще встречаться с Меченым? В этом он не был пока до конца уверен...

Впрочем, виду не показал, встретил базилевса радушно, обнял крепко, как брата. К восторгу подданных, собственной милостивой рукой запихнул в рот гостю кусок вяленого кобыльего мяса, предварительно плюнув на него, что является высшим знаком ханского расположения. Автократор ромеев (от радости, не иначе!) долго не мог прожевать дар правителя Болгарии, с видимым усилием напрягая челюсти. Да что говорить, много почестей было воздано базилевсу, очень много. Для свергнутого автократора даже приготовили золотую двузубую вилу, это новое изобретение хитроумных греков, которым, видишь ты, не нравится пачкать пальцы едой.

Большинство болгарской знати впервые видели вилу. Они с изумлением наблюдали, как базилевс лениво накалывает куски, гадали между собой – донесет до рта или уронит на этот раз. Переглядывались украдкой – уж не такой ли вилой базилевс отхватил себе нос? Вот уж действительно зловредная выдумка подземного бога Эрлика! Словно Тенгри-Отец не дал человеку для трапезы целых две руки и пять пальцев на каждой...

Хан вдруг хлопнул в ладоши. Хлопок не сильный, почти не слышный за лязгом челюстей и сопением над кубками, но в шатре сразу же наступила тишина. Лишь один из боилов, подавившись, никак не мог перестать перхаться горлом. Зажимал рот обеими ладонями и опасно синел лицом.

На него не смотрели, все глаза вопросительно обратились к хану. Многие пытались неслышно и незаметно проглотить куски во рту. От этого казалось, что суровые воины и седобородые старики гримасничают, как расшалившиеся дети.

– Ты уже дожевал, уважаемый бий Биляр? – негромко спросил Тервел. – Я могу сказать свое слово?

Бий Биляр, уже не синяя, откровенно мертвее лицом, судорожно задержался, пытаясь хоть знаками изобразить, что хан может говорить всегда, везде и сколько ему угодно. Да как можно помыслить иное?! Речь хана – живая вода для иссохшихся без мудрого поучения ушей его подданных...

– Тогда – всем уйти! – распорядился Тервел.

Подданные рванулись к пологу, опережая друг друга. Двое батыров, сжавившись, подхватили под руки боила Биляра, бессильно, как рыба на берегу, открывавшего рот.

Вместе с болгарами, дождавшись подтверждающего кивка базилевса, вышли ромеи. Сам Юстиниан остался сидеть. Смотрел на хана, чуть заметно раздувая обрезки ноздрей. В тусклом свете светильников его глаза казались совсем темными, почти черными.

Видеть уродство на этом красивом лице так же неприятно, как встретить стройную, сияющую красавицу, ковляющую на деревянной ноге, подумал хан. Обычно воины, получившие похуже увечья в бою, закрывают их тряпочными или серебряными колпачками. Это нетрудно. Но Риномет словно нарочно демонстрирует всему миру свое безобразие. Хочет, чтоб видели – он ничего не забыл и никого не простил?

Тервел неторопливо подгрел под себя еще подушек и откинулся, устраиваясь удобнее...

* * *

Хан Тервел, сын и наследник хана Аспаруха, основателя Великой Болгарии, любил удобства больше, чем положено воину. Он вообще во многом не походил на своего непоседливого отца-воителя, когда-то приведшего орду болгар в вольные степи между низовьями Днестра и Дуная и основавшего здесь сильное, независимое царство.

Тервел куда больше времени проводил на мягких подушках, чем на коне. Он был хорошо образован, не только говорил, но и читал на многих языках, даже собрал в своем дворце в Плиске обширную библиотеку. Если Аспарух был ярким и стремительным как огонь, то сын, скорее, напоминал воду – задумчив, всегда спокоен, говорит сдержанно, тихо. И решения принимал взвешенно, не торопясь.

Хотя даже враги признавали: тот, кто посчитает сына мягче или слабее отца, совершит большую ошибку. Некоторые хитроумные боилы, возмечтавшие о власти после гибели Аспаруха от кривых хазарских мечей, поняли это слишком поздно. Опомнились лишь, когда широкоплечие бури, отборные воины-волки из личной охранной тысячи хана, начали привязывать их за ноги к необъезженным жеребцам.

Кони долго таскали их за собой по степи, клочками сдирая кожу, и у мятежников было время помыслить перед смертью о своем предательстве. Сам Тервел так же невозмутимо наблюдал за их казнью, как сидел за свитками в библиотеке.

Постепенно все убедились, что сын не хуже отца умеет выдернуть меч из ножен и с гиканьем помчаться на белом жеребце впереди страшной болгарской конницы, от грохота копыт которой вздрагивают земля и небо. Получив от Аспаруха в наследство обширное и сильное царство, Тервел укрепил его еще больше. Когда было можно – умел договориться с соседями, когда было нужно – шел в кровавый набег со звоном мечей и дымом пожарищ.

– Мудрый хан, справедливый хан! Достойный наследник богоподобного отца-хана! – наперебой славил его теперь бии, боилы, камы и аксакалы. Особенно громко кричали те, кто когда-то был близок к мятежникам.

Тервел милостиво улыбался всем, но не забывал об этом. Он никогда ничего не забывал...

Как и отец Аспарух, Тервел понимал, что болгары никогда не укрепятся на новых землях, если начнут разорять их коренное население – фракийцев, словен и валахов. Поэтому в царстве Болгарском все были объявлены равными. В этом хан взял пример с Римской империи, где греки, италийцы, сирийцы, копты, армяне, евреи, иллирийцы, даки и прочие народы одинаково считались гражданами, равными друг другу по праву рождения.

У ромеев, народа самой сильной и богатой империи мира, насчитывающей на своих землях более полумиллиона подданных, вообще можно многому научиться, понимал хан Тервел. И нужно учиться! Хотя бы тому, как строить крепкую государственную машину, не слабеющую ни при каких обстоятельствах. А если некоторые, к примеру, хитрый, но не

умный джебу-каган хазар Ибугир Гляван, считают это проявлением слабости и отступничества от традиций – да смилуется над ними Тенгри Всесильный! Старые степняки говорят: тысячу глупостей можно сотворить быстро, десять умных дел требуют времени...

«Интересно, понял ли это свергнутый базилевс Юстиниан Риномет? Усвоил ли урок изгнания?» – размышлял хан Тервел, глядя на своего гостя. Он помнил, ходит среди ромеев такая шутка: «Священная власть базилевса не ограничена в империи ничем, кроме меча и удавки очередных заговорщиков!» Автор ее неизвестен, конечно. Или, что вероятнее, неизвестно сгнил в сырости и плесени подземной тюрьмы. Хотя прав неизвестный, ох, как прав... Если перебирать имена базилевсов Ромей, лишь один из четырех автократоров кончил свою жизнь в ветхой старости. Остальных резали, травили, душили удавками, в лучшем случае – лишали языка и глаз, отправляя доживать в отдаленные монастыри. И при этом империя продолжала стоять так же несокрушимо, как на высоких курганах степи стоят каменные бабы неизвестного теперь народа.

Вот чему надо у ромеев учиться – как строить крепкое государство, способное успешно существовать даже при глупых и безумных правителях!

Подумав об этом, хан сказал другое:

– Боюсь, если б пир продолжился, мои мудрые советники обожрались бы до смерти от усердия и почтения. – Тервел мягко вздохнул и добавил: – Тревожит меня, конечно, здоровье бия Биляра, как бы мы не потеряли его... Впрочем, думаю, мы смогли бы пережить такую потерю.

Риномет тоже в этом не усомнился. Хмыкнул презрительно:

– Приятно видеть, как усердно подданные работают челюстями во славу великого хана.

– Да, если бы слава правителя зависела от того, как быстро жрут его приближенные, я стал бы великим государем.

– Хан слишком скромн. Царство Болгарское уже давно называют Великим!

Они помолчали.

Первым не выдержал Риномет.

– Хан Болгарии, брат мой, я знаю, ты, наверно, удивился моему визиту. Как быстрокрылый сокол летит над степью, как стаи журавлей тянутся по осени к югу, стремился я к тебе, друг мой и брат... – начал он витиевато и многословно, как положено по константинопольскому протоколу.

Тервел, кивая, слушал его и не слушал. В общем, желания базилевса были понятны без слов – он хотел вернуть себе константинопольский трон. А для этого ему нужно было ханское войско: быстрая болгарская конница, крепкая пехота из словен и валахов. Вот чем он собирался платить за поддержку, что предложить взамен, как думал возвращать себе власть – это уже интересно...

* * *

Странная штука – власть, продолжал задумываться хан, слушая базилевса. Искажает любые поступки, как в воде переламывается отражение. Он, Тервел, никогда не любил жестокость. И сделал много жестокого, сохраняя отцовское государство. Хотел любви народа, мира и всеобщего благополучия на землях Болгарии, а получил страх. Размышлял о вечном, о течении времени, о природе вещей, а подданные видели в его молчании угрозу себе. Им казалось, что хан молчит, потому что мысленно решает их судьбы. От этого еще больше боялись.

Риномет же с самого начала правления хотел вселять страх. И, посеяв его, получил в результате ненависть. А это такое чувство, что может сделать яростными даже заячьи души.

«Усвоил урок или не усвоил?»

Тервел знал, Юстиниана все считали сильным, храбрым, щедро одаренным способностями человеком. Правда, его государственные решения свидетельствовали обратное. Неразумный ребенок, воссев на троне, и то натворил бы меньше. Риномет нарушил мирные договоры отца, Константина Бородатого, с ними, болгарами, и со словенскими вождями ходил во Фракию с войском и был разбит, едва сам ушел. Он уговорил словенского вождя Гебула переселиться со своим племенем в Опсикийскую область в Малой Азии и довел словен до того, что они начали воевать против базилевса на стороне арабов. Он повысил дань, выплачиваемую империи халифом Мухамедом, до такой неимоверной суммы, что мухамеддяне вообще отказались платить, пошли войной и заставили бежать ромейское войско. Базилевс решил увеличить поборы с Армении и в результате получил кровавое и успешное восстание Самбата IV Багратуни, когда южная часть родины предков базилевса вышла из состава империи.

И не только это... К примеру, в столице и окрестностях Юстиниан затеял множественное строительство, но сакеларием во главе работ поставил некоего Стефана Перса, кровавого евнуха, возмущившего своей жестокостью и рабочих, и их начальников. Ни одна стройка не была закончена толком, хотя казну это изрядно опустошило. Потом базилевс решил бороться со взятками и хищениями чиновников и сделал генеральным счетчиком какого-то аббата Феодота, аскета, безжалостного к себе, а к другим – вдвое. Тот взялся за дело столь рьяно, что меньше чем за год успел настроить против базилевса всю знать империи и верхушку армии. Безродный аббат-аскет пытал и казнил даже тех патрикиев и военачальников, что вели свою родословную еще со времен Великого Рима.

Да что говорить, Риномет даже с патриархом Каллиником ухитрился поссориться – велел срыть церковь Пресвятой Богородицы близ дворца, чтоб построить на этом месте беседку и ложи для партии винетов, этих оголтелых фанатиков колесничных скачек. И заставил патриарха благословить разрушение церкви.

Словом, базилевс рушил все, за все брался, но ничего не создал взамен. Неудивительно, что Юстиниана свергли, а фаворитов его прилюдно изжарили в медном быке... Удивительно другое: как человек, которого называли умным, мог сотворить столько глупостей?

Да – жестокий, не может управлять своими желаниями... Но ведь и жестокие, необузданные правители строили крепкие государства, размышлял Тервел. Тут другое, большее, решил он. Базилевс Юстиниан, пожалуй, всерьез считает себя богом среди людей. Настолько убежден в собственном превосходстве над остальными, что принимает решения, не давая себе труда задуматься о последствиях. И впадает в безрассудный гнев, когда его планы оборачиваются против него же. А привычка к безграничной власти сделала его совсем бешеным. Он может быть даже милостивым, улыбаться, но при самом легком намеке на противоречие вспыхнет так же безжалостно, как загадочный огонь Каллиника – новое, страшное оружие, появившееся лет тридцать назад у ромеев. Хану рассказывали: этот плод многолетних трудов греческого изобретателя, чьим именем оно и названо, сжигает на море целые корабли. И огонь не гаснет даже в воде.

Понятно, такой нетерпимостью базилевс делает собственные ошибки еще хуже.

«Власть базилевса не ограничена ничем, кроме меча и удавки? На самом деле – смешно...»

Всякая власть, давно определил для себя Тервел, строится на двух принципах. Первое – управлять событиями, если можешь ими управлять. Второе – давать событиям управлять тобой, когда ничего другого сделать не можешь. Так, хороший пловец, попадая в бурное течение, не будет тратить силы, выгребая против. Позволит течению нести себя и, выбрав момент, выскочит на более спокойную воду. Вот этого второго принципа власти – не бороться с неодолимым – Риномет упорно не хотел понимать, понимал хан. Отсюда все его беды.

«Усвоил или не усвоил?»

Скорее – нет, подобные натуры всегда винят в своих злоключениях кого угодно, кроме себя... И поэтому есть смысл поддержать его силой болгарского войска! С таким базилевсом империя останется слабой. Один такой базилевс страшнее для собственного народа, чем десять полных туменов отборной вражеской конницы... Конечно, у ромеев можно и нужно учиться, но сильная Ромея не нужна Великой Болгарии!

Подумав это, Тервел улыбнулся, мягко кивая Юстиниану.

Риномета явно приободрила улыбка задумчивого хана. Он продолжил пространно расписывать, какие выгоды приобретет Болгарское государство от их союза. Про себя усмехался, что этот варвар, этот тихий, щуплый как подросток хан, похоже, всерьез верит его льстивым речам. Изумлен и восхищен, понятное дело, приветливостью законного базилевса ромеев!

Как он и думал, уговорить диких воевать за себя будет совсем нетрудно...

2

Лодка-долбленка плыла неспешно. Вниз по течению Любенья почти не греб, лишь слегка подправлял лодку веслом, не давая отклониться от быстрины к берегу.

А куда торопиться? Красиво же... Привольно синее небо, осенний лес вдоль извилистых берегов Лаги пестреет желтым и красным, птичья мелочь заливается на разные голоса. Хорс-солнце еще греет вовсю, почти как летом. Не жадничает солнечный бог, дает напоследок погреться в своих лучах.

Хорошо, легко. И ведь не спали почти эту ночь, а он словно тяжелый груз сбросил со спины – кажется, сильнее от земли оттолкнуться – и полететь получится...

Нет, не прав шаман, не скоро еще появятся белые мухи...

Что же он все-таки видел, узкоглазый кам?

– А я всегда, с самого малолетства знала, что со мной случится что-то необыкновенное. И муж мой будет необыкновенным, не как прочие, – оживленно рассказывала Алекса, забавно, по-детски надувая губки. Ее голосок тоже звенел над рекой как птичья песня. – Ты же не как прочие, да? Бывал везде, видел всякое... Вот парни у нас в роду часто говорили мне: что ты ломаешься все время, словно у тебя между ног диво дивное, словно не как у остальных девок? А я им – дураки вы! Только и можете, что хватать грубыми ручищами! Один, помню, ухватил за грудь так, что потом до Комоедицы синие пятна оставались на коже. Веришь, нет? Я уж и толченой ивовой корой натирала и всяко... Дураки они! Скучные все. Глупые какие-то, под подол лезут и сопят громко, как кабан хрюкает. Будто мне интересно очень – слушать хрюканье... Я же не свинья – хрю да хрю...

– По правде? – поддразнил Любенья.

Вместо ответа Алекса черпнула ладошкой воду из-за борта, плеснула в него. Он как мог уклонился, но брызги все равно попали на лицо и волосы.

– А я не скучный? – спросил он через некоторое время.

Слышать от нее про парней было не слишком приятно. Еще неприятнее знать, что Алекса уже была с кем-то до него. Кто-то до синяков хватал ее нежную грудь... Понятно, в лесных родах и девки, и парни рано начинали почитать Ярилу Весеннего, бога плодородия, изобильного мужской мощью. Вот в западных странах, куда ходил он с дружиной воинов, девственность почитают за добродетель, им так завещал Христос. А родичи считают – девка, значит, не польстился никто. Выходит, порченная. Так издавна заведено...

И все-таки неприятно!

«Заведено – пусть, но, может, о чем-то стоило бы помолчать, а не трещать сорокой!» – подумал Любенья с внезапным раздражением. Скрывая его, отвернувшись, сильнее толкнул веслом по воде.

– Ты – нет. Ты ласковый. Только ладони у тебя очень жесткие, прямо как деревянные. Ты, наверно, и камни можешь в ладонях дробить, да, миленький?

– Это от весел, – пояснил Любенья. – Воины моря всегда много сидят за веслами, вот и дубеют ладони. А от рукоятей мечей в руки крепость железа передается.

– По правде? Интересно, рассказывай дальше. А то какой-то ты молчаливый очень. Я вот все говорю, говорю, а ты только слушаешь.

– Чего рассказывать-то?

– Ну... Про море расскажи. Не так, наверное, как на реке.

– Не так, – согласился Любенья. – Море... – Он задумался. – Море – оно разное всегда. Вот река течет и течет, всегда одинаково, а море... Глянешь на него – оно такое. Отвернувшись, другой раз глянул – уже не то, словно изменилось за один миг: и цвет другой, и волна изменилась...

– А не то про каменные города расскажи! – Алекса как будто не слушала его. – Ты же видел каменные города, да? Не представляю, как это, целый город, домов множество, и все из камня. Там же холодно должно быть, в камне-то...

– Когда как.

– Нет, холодно, холодно, – уверенно сказала она. – Даже если печи поставить, камень еще пойдя прогрей. По себе знаю – вот сядешь задом на камень, ерзаешь, ерзаешь, а он все равно не греется, только попа мерзнет. И чего бы им избы из дерева не рубить? Чтоб теплее было?

– Наверное, тебя забыли спросить, – улыбнулся Любенья.

– Ну и спросили бы, хуже б не стало!

Он вдруг подумал, что совсем не знает эту женщину-девочку. Свою Алексу... Видел ее, смотрел на нее, глаза замуривал от ее красоты, как прищуриваются, глядя на солнце, а толком не говорили ни разу. Слишком быстро все получилось.

И вчера ночью, у костра, они тоже не говорили. Кричали только. Он еще сдерживался, опасаясь привлечь злую ночную нежить, а она, извиваясь в его руках, про все забыла. Весь лес, наверное, оглушила криком да охами. Вон губы до сих пор опухшие. Искусала сама себя. И его тоже...

«Правду говорят, от женских криков любви мужская сила удваивается!» – подумал Любенья, вспоминая ночные игрища. И опять улыбнулся, уже по-доброму. Да, женщина-девочка, это он правильно определил. Маленькая еще... Зато – любимая. Единственная. Говорили – не говорили, знает – не знает... Чепуха! Просто ревнует ее непонятно к кому, только что объятия разомкнули, и уже ревнует. Вот и лезет в голову всякая глупость.

Странно устроены люди, неожиданно пришло в голову. Только что, ночью, вдвоем с Алексой, он был полностью счастлив, а сейчас начал рассуждать так, словно ему и полного счастья мало. Что же еще?

– Ты чего смеешься? Я ему дело говорю, а он – смеется... Ой, смотри, миленький! Лежит кто-то на берегу!

Любенья глянул. На берегу, у самой воды, действительно лежал человек. Лицом вниз, неподвижно, как мертвый. Бросилась в глаза наголо обритая голова с одной длинной прядью волос. Куртка без рукавов, шитая из шкур серым мехом наружу, по виду – волчьих, открывала загорелые мускулистые руки и жилистую, вяленую шею.

Из россов, понял Любенья.

Когда-то, маленьким, он видел на торжище этих крепких, обветренных всадников, что живут в южных землях, там, где кончается лесной край и начинаются просторы степей, издавна именуемых в лесах Диким Полем. А слышал о них еще больше – племя россов всегда славилось своей воинственностью, промышляя все больше не трудом и торговлей, а набегами и разбоем.

Старики рассказывали, в былые времена, пока не встали на крутых берегах Иленья крепкие стены Юрича, россы часто набегали на лесные селенья, рубили мужчин, уводили женщин и скот, уносили скарб и припасы. Ох, разбойное племя! Всегда были такими – что плохо лежит, россы тут как тут, кто этого не знает...

Впрочем, так далеко в леса они давно уже не заходят, среди здешних чашоб и болот с конями не развернуться. Так что здесь делал росс? Где его конь, где оружие?

– Не живой как будто. Или – раненный сильно... – всматриваясь, пробормотал Любенья. Он безотчетно положил руку на рукоять длинного кинжала у пояса. Прикосновение к холодной стали было привычным и успокаивающим. Именно этим кинжалом он когда-то убил ярла Альва Ловкого, брата конунга Рорика Неистового.

– С чего ты взял? – удивилась Алекса.

– Видишь, рука в воде почти по плечо. Был бы в сознании, передвинулся бы на сухое, вода-то холодная.

– Ой, по правде... Посмотрим, а?

– Если он мертвый – чего смотреть? – задумчиво протянул Любенья. – Потом скажу мужикам, придем с ними, сожжем его, как положено.

– Ну, миленький?... Посмотрим, посмотрим, посмотрим! – от нетерпения Алекса застучала по борту лодки обеими ладошками.

– Тише ты, опрокинемся... Ладно, посмотрим!

Любенья с силой опустил весло в воду, разворачивая долбленку. Частыми, быстрыми гребками погнал лодку к берегу. Алекса привстала над бортом, вытянула шею и приоткрыла от любопытства рот, вглядываясь в берег...

* * *

Потом Любенья часто вспоминал именно то мгновение. Нет, многое вспоминал, но это особенно врезалось в память – высокое небо, яркий блеск солнца, переливы света на всплескивающей воде, по-осеннему нарядные берега. И, главное, Алекса... Такая красивая, юная, лучащаяся... Глаза-васильки блестят ярче воды и солнца, щеки раскраснелись, прядями темного золота забавляется ветерок, пытается их растрепать, вытянуть из-под головной повязки-оберега...

Лодка твердо толкнулась в песчаную кромку берега, и он все понял сразу. Провели его россы, как мальчика-несмышленища, поймали на такую простую приманку!

Тот, кто лежал, вскочил как подброшенный. А рука лежала в воде, потому что меч прятал!

Мелькнуло широкое, смуглое, ухмыляющееся лицо со свисающими ниже подбородка усами. И тут же погасло. Каким ни был быстрым этот степняк, Любенья оказался быстрее – концом весла отбил в сторону жало меча, рубанул ребром лопасти по голове будто секирой. Сам почувствовал, как глухо хрустнула под веслом бритая голова.

Если б не лодка, если бы твердая земля под ногами... Качнуло лодку от движения его ног, и второй удар, в подскочившего сбоку, оказался смазанным. К ним бежали. Шесть или семь их, россов, уже видел он. Знаменитый воин Гуннар Косильщик учил его когда-то брать глазом сразу все вокруг, не крутя головой.

Так, один – лежал, двое-трое прятались в прибрежных кустах, остальные – в воде, дышали через тростинки, поджидая их лодку. Теперь – поднялись. Но первый – не в счет уже, мешком осел. Значит – пять или шесть... Такое с ним часто бывало в бою – мысли продолжали течь плавно и рассудительно, тогда как тело двигалось с быстротой спущенной тетивы.

Любенья увернулся от свистнувшего над головой меча, далеко выскочил из лодки, разбрызгивая воду, достал ударом весла того, второго. Не убил, зато свалил с ног, бросил треснувшее весло, выхватил у него меч из руки, рубанул сверху вниз по бурой шее, отваливая голову от плеч.

Руку сильно дернуло от удара – плохой меч, тупой! Сюда бы Самосек Гуннара... Четверо – с той стороны лодки, один – рядом...

«Так, теперь им лодка мешает нападать разом, сначала ему помешала, а теперь – им! Хорошо...»

Тот, что был рядом, рубанул его мечом. Длинно, размашисто, слишком много времени на замах потратил. Любенья успел отбить его меч левой рукой с кинжалом. Одновременно всадил лезвие своего меча в голый смуглый живот, как раз там, где распахнулась кожаная рубаха. Ударил его ногой, резким, привычным движением выдергивая окровавленный меч.

«И чего они без брони? Ах да, в воде же прятались, их ждали...»

И тут – это он тоже запомнил отчетливо – пронзительно завизжала Алекса. Кто-то схватил ее, тянул из лодки, она отбивалась маленькими кулачками. Лицо напавшего на девушку он не видел. Вот руки, обхватившие ее, хорошо рассмотрел – длинные, с жестким как у кабана, темным волосом на запястьях и синими, вздувшимися венами.

«Подожди, Алекса, подожди, милая! Я сейчас...»

Оставшиеся трое оббежали наконец лодку. У одного меч и щит, у двоих – только мечи. Кричат что-то все вместе. Лица растерянные, похоже, не ожидали такого отпора от одного безоружного...

«Трое? Ладно! Подожди, Алекса, сейчас, сейчас, милая...»

Подкинув кинжал и перехватив за лезвие, Любеня с силой метнул его. Простая уловка – смотрит вроде бы в одну сторону, кидает в другую. Тот, со щитом, закрылся им, но целеното не в него! В кого целил, в того и попал, кинжал вошел глубоко под горло широкоплечему, синеглазому воину в просторной холщовой рубаше без опояски. Росс, захлебнувшись кровавым кашлем, сделал еще шаг-два вперед. И упал плашмя в воду, подняв тучу блестящих брызг.

«Трое? Нет, двое! И один Алексу на берег тащит, занят он...»

Смерть товарища заставила россов остановиться, затоптаться на месте. И Любеня кинулся на них сам.

– Один, Бог Войны, смотри на меня!!!

Это он сам крикнул, не думая. Яростный клич на языке фиордов заставил россов попятиться. Теперь не растерянность видел он в их глазах – страх!

В спину что-то ударило, совсем чуть-чуть, да и не больно почти. Так, слегка крапивой хлестнули. Только одно непонятно – почему из груди вдруг торчит наконечник стрелы? Откуда?

Любеня почувствовал, как под рубашой течет что-то теплое, почти горячее. И сама рубаша зацвела красным. Кровь? Да, она...

Вместе с кровью его мягко потянула за собой нахлынувшая волна слабости. Это – ничего, не страшно, такое уже с ним бывало, не первый раз ранят...

«Сейчас, Алекса, сейчас... На миг малый только остановлюсь, дух переведу, и к тебе, любимая...»

Что-то снова ударило его, уже по голове. На этот раз – сильно, до звона в ушах. Его потащило куда-то вбок, опрокинуло...

Небо над головой. Высокое небо, прозрачное. А солнце теперь почему-то жгучее, красное, тоже кровью набухло...

«Значит, их больше. Еще воины были где-то на берегу», – мелькнула мысль. Спокойно, отстраненно, даже слишком спокойно.

Потом все погасло.

* * *

Любеня открыл глаза и увидел огонь. Мечущиеся языки пламени резали глаза, а треск сучьев был таким громким, что отдавался в голове.

«Погребальный костер? – удивился он. – А почему погребальный? Или – не живой уже?»

Впрочем, наваждение тут же прошло. Любеня посмотрел еще раз, и огонь отодвинулся. Да и не костер это, так, костерок небольшой. Над огнем висит на рогатине котелок, исходит паром с привкусом чего-то мясного.

Нет, живой! Только голова болит. Перед глазами все словно раздваивается. И опять сходится до головокружения. Еще грудь ломит болью. Хотя перемотали чем-то, остановили кровь.

Внезапно он вспомнил – лодку, Алексу, засаду россов, его схватку с ними.

Где же Алекса?!

– Смотри-ка, шевелится вроде, – сказал кто-то рядом.

– Не, показалось, – сказал другой голос.

– Горло ему перерезать, так и не надо смотреть – шевелится, не шевелится.

– Горло перерезать – конечно, шевелиться не будет...

– Перережем еще! Князь Вадьим сказал: допросить сначала, потом уж...

– А то я не слышал, что Вадьим говорил!

– А слышал, так чего же?

Голоса грубые, громкие, тоже отдаются в голове. Речь вроде похожа на говор поличей или оличей, но слова произносятся по-другому как-то. Хотя понять можно. Тоже славянское племя, одним богам поклоняются.

По голове, надо думать, камнем ударили, понял Любенья. Из пращи. В землях франков он видел это оружие. Простая штука – кожаный ремень, закрепленный одним концом на запястье, второй – свободный. Его зажимают пальцами, камень кладется в кожу, праща раскручивается посильнее и свободный конец отпускается. Да, просто, но такие камни вылетают с огромной силой, от их ударов даже на железных шлемах вмятины остаются. Россы, рассказывали ему, с малолетства учатся владеть пращами. Опытные воины бьют прямо с коня, на скаку, так же метко, как кладет стрелы умелый лучник...

– Обидно просто, – продолжал бить первый голос. – Четырех воинов уложил почти голыми руками. Без того под градом Юричем потеряли много, князь Хруль с дружинниками секли наших, будто уток били. И этот еще... Если бы князь Вадьим с остальными не подоспел, не сшибли его, пожалуй, не справились бы... Отчаянный! А отчаянных лучше сразу резать, это я тебе говорю.

– Да что ты заладил – прирезать, прирезать! – рассердился второй. – Как ворона каркает! Успеем. Вот ответь мне – почему он одет, как полич, а кричал, как варяг? Почему сражался, как берсерк из-за Студеного моря? Откуда знает такой безжалостный бой – ответишь, нет?

– Больно мне интересно... – проворчал первый.

– Тебе – не интересно. А князю интересно, допустим. Он все должен знать, на то он и князь. И еще должен знать про золото поличей. Этот небось у них знатный воин, наверняка скажет.

– Да уж, у этих лесовиков золота неспорно, – съехидничал первый. – На золоте едят, из серебра умываются. У них в лесах золото прямо на деревьях растет. Заместо шишек!

– Не скажи... Разное говорят...

Они примолкли.

Любенья, несмотря на громкий, болезненный стук в голове, продолжал напряженно думать. Так вот почему он жив до сих пор, вот почему не добились на берегу – хотят дознаться про золото. Второй раз, получается, тайна старого клада не дает ему умереть. Тогда, маленьким, конунг Рорик Неистовый пытал про него, теперь – эти... Они-то откуда узнали? Даже из родичей немногие знают про золото умершего князя Добружа, а эти... Ладно, об этом можно потом, сейчас – другое.

Из неспешного, ленивого разговора степняков ему стало ясно, что россы шли набегом на земли Юрича и были встречены дружиной князя Харальда Резвого, владельца града. Воины у князя крепкие, яростные, разбили степняков. Те, надо думать, бежали, начали ух-

дить через их леса. Заметили красивую девушку, вот и устроили им засаду. Красавиц они всегда крадут, испокон веков. С этим понятно...

Князь россов Вадьим... Что-то он про него слышал... Точно, из соколов он, вспомнил Любенья. Россы издавна ведут свои роды от зверей и птиц, почитают их как прародителей, словно им мало самого бога Рода. Есть россы-волки, россы-медведи, россы-совы... Вадьим Сокол – так его называют. Еще называют – Вадьим Храбрый. Сильный вождь, говорят. Все время водит своих соколят за кровавой добычей... С этим тоже понятно.

Что-то еще нужно сообразить... Да, Алекса! Молодых девушек степняки, конечно, не режут, уводят в плен. Потом продают дальше, на юг, другим народам. Или себе оставляют в наложницы. Тот же Вадьим Сокол, рассказывали, сильно охоч до женской сладости. Значит, жива любимая... И он жив! А коли так...

– Ну что вы тут расквакались как лягушки! Только и знают, что языками чесать, как бабы ленивые! – властно прозвучал над ним другой голос. Совсем молодой, еще звонкий по-юношески. – Похлебка готова, что ли?!

– Подождать – так будет готова, – проворчали в ответ.

– А некогда ждать, наших надо догонять! Дядька Вадьим говорил: быстрее тут управиться и – за остальными вслед!

– Быстрее огня небось не сгоришь...

– Поговори мне еще, Коряша... Умный больно! – цыкнул молодой.

Любенью вдруг неожиданно и сильно пнули ногой. От острой боли в груди перехватило дыхание. Он заморгал, выдыхая сдавленный стон.

– Вот так надо оживлять-то! А то сидят, ждут... Возьмите его, прислоните к дереву, что ли.

Жесткие, сильные руки подхватили Любенью. Приподняли, прислонили спиной к шершавой коре. Он, уже не скрываясь, оглядывался.

Воинов-степняков было трое. Двое – летами постарше, с одинаково бритыми головами и свисающими на лоб длинными чубами. Бород не носили, а усы длинные, ниже лица. На поясах – мечи грубой работы, поверх холщовых рубаш и портов кожаные куртки без рукавов с нашитыми бляхами от копыт. Молодой снаряжен явно богаче. И порты, и рубаха, и даже сапоги – все в вышивке разноцветной нитью, с узорами. И кольчуга у него настоящая, плетенная из железных колец, и меч в расшитых бисером кожаных ножнах точно лучше. Лицо тонкое, гладкое, как у девушки, пышные темные волосы волной спадают на плечи, перехвачены посредине лба головным оберегом. Только усы не удалось свесить – не усы пока, а жидкий темный пушок над верхней губой. Совсем еще молодой.

Да, трое их... Видно было, что россы расположились здесь ненадолго – на конях, привязанных к ветвям деревьев, уздечки и попоны, сняты только переметные сумы. Но костерок уже развели, варево готовят, сказывается привычка к походной жизни. Набегами живут.

Пока Любенья осматривался, молодой присел перед ним на корточки, глянул прямо в глаза:

– Слышишь меня?... Я – Юрьень, племянник Вадьима Храброго, кнеса соколов. А ты кто?

– Человек... – прохрипел Любенья. Получилось не с первой попытки, слишком уж сохлось в горле.

– Ишь ты – человек! – усмехнулся Юрьень, криво дернув щекой. – А мне все едино – будь ты хоть человек, хоть пень березовый... Жить-то хочешь небось?

Любенья не ответил. Темные глаза росса были совсем близко, ресницы густые по-девичьи. Да, красивое лицо, девки по такому сохнуть должны. Но – недоброе, сразу чувствуется.

– Хочешь, знаю, жить все хотят... Коли хочешь, так и говорить будешь! Скажешь, что спросим, оставлю тебя в живых, точно тебе говорю. Оставим тебя в этом черном лесу, сам выползешь как-нибудь, – пообещал Юрьень, честно округляя глаза.

И Любенья отчетливо понял – врет. Не оставит. Своих убитых они ему не простят.

– Где Алекса? – спросил он чуть слышно.

– Чего говоришь? А, девка твоя... Так взяли мы ее, Вадьим с остальными увез уже. Нам здоровые красивые девки всегда нужны, – он ухмыльнулся, показывая мелкие, белые, но не слишком ровные зубы. – Хочешь, я скажу – он ее отпустит? Дядька меня любит, меня послушает. Ты мне скажешь, что буду спрашивать, а он – отпустит, точно тебе говорю, – темные глаза все еще насмешливо щурились. – Ты из леса выползешь, а тебе – твоя девка навстречу... Хорошо, а?

Да, молодой. Глупый. Слишком много всего обещает, чтоб можно было поверить. Остальных, надо думать, считает совсем дурнее себя.

Глаза росса были совсем близко, но и рукоять меча близко. Выхватить у него с пояса меч, рубануть, вскочить...

Он дернулся, и пальцы почти сомкнулись на рукояти, почувствовали ее увесистый железный холод. Сомкнулись и соскользнули. Сил оказалось еще меньше, чем думал.

Молодой легко оттолкнул его руку, вскочил на ноги, несколько раз пнул ногой со всей силы. От боли перед глазами замелькали яркие, жгучие искры.

– Ах, вот ты, значит, как! Не хочешь по-хорошему, значит, все укусить норовишь, зверь лесной! Ну, ладно тебе... Ирмень!

– Чяго?

– Чяго, чяго... Нож мне накали на костре – сейчас я его буду по-другому спрашивать!

Короткий плоский нож с роговой рукоятью, из тех, что удобно прятать за голенищем, накалился на углях быстро. И племянник князя опять подступал к нему, держа руку с нагретым лезвием чуть на отлете.

Любенья презрительно наблюдал за ним. Точнее, надеялся, что смотрит презрительно. Лицо, похоже, не слишком слушалось, как и руки.

Не получилось... Прости, Алекса, прости, любимая, подвел тебя Съевнар Складный, воин фиордов...

– Вот сейчас и увидим, какой ты храбрый, – злорадно, с видимым удовольствием усмехался племянник князя. – Начнем тебя на ремни распускать и увидим...

Он не договорил. Не успел. Вроде ничего не было – ни движенья вокруг, ни звука, ни шелеста постороннего, ни даже тонкого всплеска тетивы не послышалось, а в горле у Юрьеня вдруг сама собой возникла небольшая стрела. Молодой росс еще стоял, не понимая, давился, оскаливая уже не белые – красные от крови зубы, а в нем – не одна стрела оказалась, с десятков, не меньше. Так, наверное, и не успел ничего понять. Просто упал и умер.

«Талы!» – понял Любенья. Охотники! Этих в лесу до последнего мгновения не увидишь, в упор будешь смотреть – не заметишь.

Напрасно степняки решили, что этот лес черный. «Не безлюдный он, есть у него и глаза, и уши!» – мелькнуло торжествующе. Это его земля, его лес!

Те двое, Коряша с Ирменем, тоже не сразу сообразили, что на них напали. Одному первая же стрела вошла прямо в глаз, этот сразу испустил дух, где сидел, там и завалился навзничь. Второй успел вскочить, выхватить меч из-за пояса. Завертелся, оглядываясь, глухо вскрикивая, когда все новые короткие стрелы с костяными наконечниками больно жалили его. Глухо вскрикивая, росс выпустил меч из пальцев, упал на колени, потом опрокинулся навзничь. Только тогда на поляну высыпали охотники талагайцев, которых оказалось как шершней в дупле.

Любеня видел, один из них, молодой Байга, ударил того, последнего росса сучковатой дубинкой по голове. Тот застонал. Байга опять ударил. Опять стон. Удар. Стон.

Длиннорукий, коротконогий охотник даже отступил на шаг, приподнял дубинку повыше. Весело скалил кривые зубы: интересная игра – он бьет, бьет, а чужак все не умирает.

Любеня хотел крикнуть Байге, чтоб прекратил забавляться, оставил росса в живых. Допросить бы его подробно – куда могли увезти Алексу? Но сил у него не хватило даже на крик. Совсем ушла сила-жива, утекла в Сырую Мать-Землю как вода сквозь пальцы...

3

Охотники, самые сильные и ловкие воины племени талагайцев, скользили по темному лесу так быстро, что шаман Хаскар скоро перестал гнаться за ними. Брел потихоньку.

Когда кам добрался до места стоянки россов, все было уже кончено. Все трое пришедших были мертвы, охотники раздели трупы, обшаривали их имущество, уже ссорились из-за добычи. Кричали друг на друга, поминая старые обиды. Шаман для порядка прикрикнул на них, потом начал осматривать раненого Любеню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.